Отрывки семейной хроники.

Vorbei sind die Kinderspiele
Und Alles rollt vorbei,
Das Geld und die Welt und die Zeiten
Und Glaube und Liebe und Treu.
Heine.

Въ 1864 году, наша тихая, безмятежная жизнь въ Тулѣ была нарушена отъѣздомъ моего отца въ Варшаву. Въ то время онъ служилъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. По настоянію и просьбѣ князя Черкасскаго, министра внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ рѣшился ѣхать въ Варшаву предсѣдателемъ крестьянской комиссіи. Съ княземъ Черкасскимъ отецъ былъ очень друженъ, съ нимъ онъ переживалъ трудные годы 1858-й и 1859-й, когда большинство губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, устраивало настоящую травлю на князя Черкасскаго. Въ губернскихъ комитетахъ сторонниками освобожденія крестьянъ были почти вездѣ въ меньшинствѣ, князь Черкасскій и отецъ принадлежали къ меньшинству. Во время дворянскихъ выборовъ дворянство даже подало губернскому предводителю Арсеньеву покрытую множествомъ подписей бумагу, ходатайствуя передъ правительствомъ объ удаленіи князя Владиміра Александровича Черкасскаго изъ крестьянскаго комитета [1]).

14 марта 1859 года, князь Черкасскій былъ вызванъ въ Петербургъ принять участіе въ редакціонной комиссіи. Какъ всѣ люди выдающагося ума, князь имѣлъ много враговъ. Зависть и клевета его преслѣдовали. Онъ покинулъ столицу и пошелъ въ мировые посредники (перваго призыва) въ Веневскій уѣздъ, Тульской губер-

[1]) „Князь Владиміръ Черкасскій". („Главные дѣятели освобожденія крестьянъ"), статья А. Ѳ. Кони. Стр. 48.

ніи. По прошествіи двухъ лѣтъ князь былъ вызванъ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ въ Царство Польское, для преобразованія поземельныхъ отношеній. Мои родители съ грустью покидали Тулу. Общество было пріятное. Разъ въ недѣлю, по средамъ, самые близкіе собирались у насъ. Вечеръ кончался ужиномъ. Въ губернскомъ городѣ вечеръ безъ ужина немыслимъ. Когда стало извѣстно, что мы уѣзжаемъ въ Варшаву, начались прощальные вечера, обѣды, а въ послѣднюю среду за ужиномъ И. З. Постниковъ прочелъ свое стихотвореніе, написанное на прощаніе отцу. И. З. Постниковъ былъ большой гастрономъ, любилъ покушать и понималъ толкъ въ ѣдѣ. За ужиномъ, бывало, матушка, угощая его, проситъ, чтобы онъ взялъ двѣ котлеты, а онъ благодаритъ и беретъ одну, „а когда подадутъ вторично,—прибавляетъ онъ,—я возьму двѣ, а если взять съ перваго раза двѣ, вторично не подадутъ“. Размѣровъ Постниковъ былъ весьма почтенныхъ, ни одинъ извозчикъ въ Тулѣ не соглашался его возить, рессоры лопались подъ нимъ. Стихотвореніе, посвященное отцу, было слѣдующее:

Ахъ, милѣйшій изъ бароновъ,
Отчего не въ добрый часъ
Въ королевство Ягеллоновъ
Уѣзжаете отъ насъ.

Все, что сердцу было мило,
Середа, картежъ и буженина,
Жирная индѣйка и дичина,
Неужель все это сплыло?

Периклъ и Аспазія
Пировали хуже насъ;
Ахъ, баронъ, что за фантазія
Ѣхать въ Польшу, жаль мнѣ васъ.

Попривыкли межъ дворянами
Самоволіе чинить,
Такъ теперь пора межъ панами
Раззореніе вводить.

Поѣзжайте, васъ Черкасскій
Ждетъ уже давно
Будетъ сказывать вамъ сказки,
Вамъ за быль пойдетъ оно.

Пока мы готовились къ отъѣзду въ Варшаву, было получено извѣстіе о кончинѣ нашей бабушки, матери моего отца. Мой отецъ тотчасъ же поѣхалъ въ Костромскую губернію, въ село Никольское, гдѣ скончалась бабушка.

Она была родомъ изъ Курляндіи, лютеранка,—рожденная баронесса Фелькерзамъ, жила круглый годъ въ деревнѣ, крестьянъ лѣчила, помогала имъ, входила въ ихъ нужды. Въ ея имѣніи была фабрика, гдѣ ткалось самое тонкое столовое бѣлье. Бабушка очень интересовалась этимъ дѣломъ, бѣлье было тонкое, красивое; ни одна скатерть, ни одна салфетка не сдавалась съ фабрики, предварительно не пройдя черезъ руки бабушки. Бѣлье поставлялось въ Москву въ магазинъ Третьяковыхъ. Съ кончиною бабушки фабрика закрылась. Можно предположить, что я заразилась общепринятымъ мнѣніемъ говорить, что наши бабушки были красавицы, а дѣды богачи. Бабушка Амалія Георгіевна Менгденъ была дѣйствительно красавица. Ея портретъ, висѣвшій въ гостиной моихъ родителей, писаный Лаухертомъ, уже не въ молодые ея годы, свидѣтельствуетъ о ея красотѣ. Вся семья Фелькерзамъ славилась красотой.

Изъ сельца Никольскаго мой отецъ повезъ тѣло своей матери въ семейный склепъ Фелькерзамъ, въ деревню Штейнзэ, Курляндской губерніи. Изъ Штейнзэ отецъ долженъ былъ проѣхать въ Варшаву.

Дворянскій родъ фонъ-Менгденъ происходитъ изъ Вестфаліи, гдѣ родоначальникъ его назывался также фонъ-Менгденъ или фонъ-Менгеде, по имени принадлежащаго ему замка „Менгеде“ близъ города Дортмундъ. Іоаннъ фонъ-Менгденъ состоялъ гермейстеромъ Тевтонскаго ордена въ Лифляндіи, отъ 1450-го по 1469-й годъ. Родной его племянникъ, Энгельбрехтъ, переселился также въ Лифляндію, гдѣ получилъ отъ дяди разныя вотчины и былъ родоначальникомъ всѣхъ графовъ, бароновъ и дворянъ фонъ-Менгденъ въ Россіи.

Баронъ Оттонъ Менгденъ фонъ-Альтенвогенъ (названіе его имѣнія), пятое поколѣніе Энгельбрехта, родился въ 1600, † въ 1681 г., полковникъ, лифляндскій ландратъ, былъ возведенъ королевою Христиною Шведскою, 12 іюля 1653 года, въ баронское, Шведскаго королевства, достоинство. Женатъ онъ былъ на Гертрудѣ фонъ-Розенъ. Его два внука: баронъ Магнусъ Густавъ и Іоаннъ Альбрехтъ Менгденъ. Первый Магнусъ-Густавъ, родившійся въ 1662, † въ 1727 году, сперва шведскій, потомъ голландскій подполковникъ, лифляндскій ландмаршалъ, владѣлецъ Царнекау, Синоленъ, Маленгофъ и Абгунеръ. Второй Іоаннъ Альбрехтъ, родившійся въ 1663, † въ 1720 году, лифляндскій ландратъ. У его сына барона Іоанна Генриха, женатаго

*

на графинѣ Елизаветѣ Минихъ, былъ сынъ Эрнестъ Бургардъ, лифляндскій губернаторъ, возведенный 16—27 іюля 1779 года Императоромъ Іосифомъ II въ графское Римской имперіи достоинство. Онъ былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ графовъ Менгденъ и женатъ на графинѣ Елизаветѣ фонъ-Сольмсъ-Вильденфельсъ.

Младшій сынъ барона Іоанна Альбрехта, Карлъ Людвигъ, тайный совѣтникъ и президентъ коммерцъ-коллегіи, игралъ видную роль при дворѣ правительницы Анны Леопольдовны. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, былъ пытанъ и приговоренъ къ казни, но Императрица приказала его только сослать въ Сибирь, въ Колымскій острогъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1760 году. Братъ же Іоанна Альбрехта, баронъ Магнусъ-Густавъ Менгденъ, женатый три раза, имѣлъ семь дочерей и трехъ сыновей. Старшая его дочь, Анна Доротея, была фрейлиной при дворѣ Императрицы Анны Іоанновны. Анна Доротея была замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Іоанномъ-Эрнестомъ Минихомъ, сыномъ фельдмаршала, авторомъ записокъ, изданныхъ въ Петербургѣ въ 1877 году. Вторая дочь Магнуса-Густава Менгденъ, Юлія, родилась 22 мая 1719 года и была любимая фрейлина правительницы Анны Леопольдовны. Послѣ сверженія Бирона, слѣдующій день былъ назначенъ для раздачи разныхъ милостей и чиновъ. Орденъ Св. Александра Невскаго пожалованъ президенту и кавалеру барону Карлу Людвигу Менгденъ, а фрейлинѣ Юліи правительница подарила 4 кафтана Бирона, да 3 кафтана сына его Петра. Юлія занялась тотчасъ же спарываніемъ съ нихъ позументовъ и отдала на выжигу,— вышло 4 шандала, 6 тарелокъ, двѣ коробки. Воспитаніе баронесса Юлія получила самое заурядное, какое обыкновенно получали въ то время дочери лифляндскихъ дворянъ. Выросшія въ деревнѣ, онѣ выходили замужъ за помѣщиковъ, занимались домашнимъ хозяйствомъ, пекли кюммель-кухены.

Въ Ригѣ, въ библіотекѣ Лифляндскаго дворянства хранится рукопись XVIII столѣтія Гадебушъ (K. F. Gadebusch. Mitteilungen über das Geschlecht der Herren, Freiherren und Grafen von Mengden).

Въ этой рукописи сказано, что въ 1736 году Юлія Менгденъ была вызвана въ Петербургъ Императрицей Анной Іоанновной, пожелавшей имѣть между придворными фрейлинами дочерей лифляндскихъ дворянъ.

Еще въ 1709 году скончался Магнусъ-Густавъ Менгденъ, а потому показанія Манштейна невѣрны, утверждавшаго, что отецъ Юліи способствовалъ ея назначенію ко двору.

Спустя нѣкоторое время четвертая дочь барона Магнуса, Марія-

Аврора Менгденъ, была взята также ко двору, вышедши впослѣдствіи замужъ за Лестока.

Въ правленіе Анны Леопольдовны Юлія вліяла на государственныя дѣла, не потому, чтобы она была властолюбива, но она хотѣла отстранить Анну Леопольдовну отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла, что Юліи вполнѣ удалось, во вредъ себѣ и всей своей семьѣ. Одѣтая въ старомодный капотъ, съ вязанымъ платкомъ на головѣ, кроткая, лѣнивая, правительница Анна проводила дни въ своей комнатѣ, куда имѣли доступъ лишь самые приближенные и ихъ родственники. Изрѣдка приглашаемы были нѣкоторые иностранные министры. Не только русскіе вельможи, но и супругъ Анны Леопольдовны возмущались такимъ времяпрепровожденіемъ. Послѣдній часто ссорился изъ-за этого со своей женой. Баронесса Юлія старалась еще болѣе разссорить супруговъ, покровительствуя любовному роману правительницы съ министромъ короля Польскаго и курфюрста Саксонскаго, графомъ Линаромъ. Эта любовная интрига началась еще въ царствованіе Анны Іоанновны, что̀ весьма не нравилось Императрицѣ и всемогущему въ то время Бирону. Они требовали, чтобы графъ былъ отозванъ изъ Петербурга. Но когда Анна Леопольдовна стала во главѣ правленія, правительницѣ больше нечего было бояться, и графъ вернулся въ столицу. Его звали Морицъ-Карлъ, онъ былъ саксонскимъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-почтмейстеромъ и владѣлъ имѣніями Люббенау, Зэзе, Млоде и Ришдорфъ. Въ 1730 году скончалась жена графа Линара, Христина-Фредерика-Генріетта, рожденная графиня Флеммингъ. Юлія рѣшила выйти замужъ за графа, чтобы этимъ еще болѣе способствовать интимнымъ отношеніямъ принцессы со своимъ возлюбленнымъ. Въ комнатахъ фаворитки принцесса Анна имѣла тайныя свиданія съ графомъ. Анна Леопольдовна вполнѣ оцѣнила услуги своей фрейлины и подарила ей большія помѣстья, Оберленъ въ Лифляндіи и домъ графа Бирона въ Петербургѣ, на Милліонной [1]).

Четвертаго августа 1741 года графу Линару были пожалованы знаки ордена св. Андрея, а 24 августа того же года состоялась его помолвка съ Юліей. Спустя нѣкоторое время послѣ сватовства, графъ уѣхалъ въ Саксонію для устройства своихъ частныхъ дѣлъ, обѣщавъ вернуться для полученія званія оберъ-камергера при русскомъ дворѣ [2]).

---

[1]) Нынѣ домъ графа Игнатьева.

[2]) Существуютъ два письма Анны Леопольдовны къ графу Линару. Первое 1741 года, 8 сентября, написано собственноручно: „J'ai appris avec plaisir votre heureuse arrivée à Narva. Dieu continue sa grace et nous donne la joie de vous revoir bientôt. Nous nous portons bien et je ne fais que consoler Julie, mai

„Въ отсутствіе графа произошелъ государственный переворотъ[1]), Елизавета Петровна вступила на престолъ, о чемъ Линаръ узналъ въ Нарвѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ, а также о несчастіи, постигшемъ его невѣсту, и онъ поспѣшилъ вернуться обратно въ свое отечество.

Въ началѣ своего царствованія Елизавета Петровна весьма благосклонно относилась къ бывшей правительницѣ, но и тутъ фрейлина Юлія Менгденъ приложила все свое стараніе поссорить Анну Леопольдовну съ императрицей: при каждомъ посѣщеніи Елизаветы Петровны, Юлія обязательно переставляла часы на одинъ часъ впередъ. Императрица, замѣтивъ эту продѣлку, стала рѣже посѣщать Анну Леопольдовну, наконецъ совершенно прекратила свои посѣщенія и отдала приказъ отвезти принцессу Анну въ Ригу, повелѣвъ ей передать словесно, „что бывшая правительница ни въ чемъ не будетъ нуждаться, все будетъ устроено для ея какъ нельзя лучше“.

Услыхавъ это приказаніе, принцесса Анна отвѣтила, „что не

Dieu sait qui en a plus besoin. Vous avez tort, quand vous me conseillez dans votre lettre, de chercher ailleurs ce que je pourrais mieux trouver dans mon coeur, et je crois, que vous en pourriez être content“.

Второе письмо отъ 13 октября 1741 года написано чужою рукою; рукою Анны написаны только тѣ слова, которыя въ скобкахъ: „Je vous félicite de votre arrivée à Leipzig, mais je ne serai pas satisfaite avant que je vous sache en chemin pour retourner ici. Si vous n'avez pas reçu des lettres de Pétersbourg, prenez vous en à Pezold, qui les a mal adressées. Pour ce est de Julie, comment pouvez vous douter un moment de son (mon) amour et de sa (ma) tendresse après toutes les marques qu'elle (je) vous en a données. Si vous l (m')aimez ne lui (me) faites plus de pareilles reproches pour peu que sa (ma) santé vous est chère. L'ambassadeur de Perse avec tous ses éléphants a eu son audience, de la même manière que la eut le Turc. On dit qu'un des principaux objets de sa commission est de demander en mariage pour le fils du Schach-Nadir la princesse Elisabeth et qu'en cas de refus, il nous fera guerre. Patience! ce serait donc le troisième ennemi, le bon Dieu nous garde du quatrième. Ne prenez pas pour un conte cette demande de Persan. Je ne ris pas; c'est par la voie du favori de l'ambassadeur, que l'on a appris ce secret. Nous aurons mascarade le 19 et le 20 de ce mois, mais je ne crois pas, que je pourrai (sans vous, mon cher coeur) prendre beaucoup de part à ce divertissement, car je prévois déjà, que ma chère Julie, qui a son coeur et son âme ailleurs, ne s'y divertira guère. La chanson dit fort bien: je ne vois rien qui vous ressemble et cependant de vous tout me fait souvenir. Mandez-moi le temps de votre retour et soyez persuadés que je suis votre bien affectionnée (je vous embrasse et meurs toute à vous). («Исторія Соловьева»).

[1]) Саксонскій резидентъ Пецольтъ пишетъ: „Alle Russen bekennen, dass es blos des Bestandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers Brantwein und einiger Säcke Geld bedürfe, um zu machen was man wolle.

См. соч. Herrmann's Geschichte des russ. Staats.

нуждается ни въ какихъ милостяхъ, и что она ничего не будетъ просить у императрицы", однако, подумавъ немного, она прибавила: „желала бы имѣть при себѣ фрейлину Менгденъ, очень къ ней привязана". На что Елизавета Петровна, обозвавъ ругательнымъ словомъ Юлію, высказала, „что въ несчастіи, постигшемъ бывшую правительницу, во всемъ виновата ея фрейлина", но все же позволила Юліи сопутствовать Аннѣ Леопольдовнѣ.

Спустя нѣкоторое время брауншвейгскую семью,—каждое лицо въ разное время,—отвезли въ Рижскую цитадель. Изъ Риги перевели въ Дюнамюнде, а оттуда въ Раненбургъ, гдѣ въ 1746 году принцесса Анна скончалась отъ родовъ.

Показанія К. Ф. Гадебушъ невѣрны: изъ Раненбурга брауншвейгскую семью перевели въ Холмогоры, гдѣ и покончила свое печальное существованіе бывшая правительница. Юліи не дозволили, къ великому огорченію Анны Леопольдовны, оставаться при ней. Ее замѣнила ея сестра Якобина Менгденъ. Несчастная Юлія осталась въ Раненбургѣ. „Была зима (продолжаетъ свое повѣствованіе Гадебушъ), когда Юлія покидала Ригу и должна была отправиться въ Дюнамюнде; при проѣздѣ рижскаго предмѣстья произошла остановка. Отъ большого количества снѣга сани застряли въ сугробѣ. Какой-то мясникъ, стоявшій тутъ же въ толпѣ, знавшій Юлію, побѣжалъ къ себѣ домой, принесъ библію и бросилъ ее въ сани уѣзжавшей въ ссылку фрейлинѣ. Съ этой книгой Юлія никогда не разставалась, она ее читала и перечитывала, знала почти всю библію наизусть и впослѣдствіи говорила: „если бы она осталась при дворѣ, то навѣрно ея душа и тѣло погибли бы, что Господь посредствомъ библіи и постигшаго ее несчастія указалъ ей путь ко спасенію".

Юлія оставалась въ Раненбургѣ съ 1741 года по 1763-й годъ подъ строжайшимъ надзоромъ. Поручикъ, имѣвшій надзоръ надъ плѣнными, обязанъ былъ ежедневно выплачивать на счетъ казны каждому изъ нихъ по одному рублю въ день. Онъ этого не исполнялъ. рѣдко давалъ имъ деньги, а когда его упрекали въ неисполненіи его обязанностей, онъ отвѣчалъ: „до Бога — высоко, до императрицы — далеко". Когда же онъ узналъ о предстоящемъ освобожденіи плѣнныхъ, поручикъ бросился къ ногамъ Юліи и слезно просилъ его не губить, что она и исполнила, хотя человѣкъ, завѣдомо усугублявшій несчастное положеніе заключенныхъ, не заслуживалъ помилованія.

Юлія помѣщалась съ полковникомъ Геймбургомъ въ нижнемъ этажѣ, въ одной комнатѣ, съ двумя маленькими окнами, столь высоко вдѣланными въ стѣну, что видно было одно небо. Не было

дозволено заключеннымъ выходить изъ комнаты, имъ только разрѣшалось подыматься по лѣстницѣ на чердакъ, гдѣ было множество галочьихъ гнѣздъ. Плѣнные не гнушались ѣсть яйца галокъ, а когда удавалось достать куриныхъ яицъ, то они клали ихъ въ гнѣзда и галки выводили цыплятъ.

Помѣщеніе, въ которомъ содержалась Юлія и полковникъ Геймбургъ, гдѣ они прожили 22 года, было недостроено, съ потолка и со стѣнъ текла вода, зимой висѣли ледяныя сосульки, приходилось большую часть времени проводить сидя на печкѣ, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не болѣлъ, только разъ Юлія страдала зубной болью. Былъ приглашенъ русскій цырюльникъ, онъ кузнечными клещами, по ошибкѣ, вырвалъ здоровый зубъ и страданья болѣе не возобновились.

Съ годами Геймбургъ впалъ въ дѣтство и сильно ослабъ. Находясь въ крайней нуждѣ, Юлія шила шапочки изъ единственной шелковой юбки, ей оставленной. Приставленный къ плѣннымъ солдатъ и его жена обмѣнивали эти шапочки на шерсть и ленъ. Несмотря на суровость дежурнаго поручика, запрещавшаго заниматься этой продажей и даже бившаго солдата и его жену, послѣдніе съ любовью и съ сердечной преданностью относились къ заключеннымъ. Все, что возможно было, продавалось или обмѣнивалось на самое необходимое. Геймбургъ расчесывалъ шерсть и ленъ. Юлія ткала и вязала. Въ продолженіе всего времени заключенія Юлія и Геймбургъ сберегли до ста рублей. За послѣдніе годы они даже себѣ позволяли, по воскресеньямъ и средамъ, пить по чашкѣ кофе и по рюмкѣ вина, при этомъ всегда угощая вѣрнаго служиваго и его жену. Когда же силы измѣнили Геймбургу, и онъ по старости лѣтъ не могъ болѣе расчесывать ленъ и шерсть, то нянчилъ младшаго ребенка солдата, въ отсутствіе его родителей, занятыхъ въ ближайшей деревнѣ продажей произведеній плѣнныхъ. Юлія переносила съ удивительной стойкостью и глубокимъ смиреніемъ всю тяжесть заключенія и была увѣрена, что до конца жизни судьба ея не измѣнится. Но Елизавета скончалась, и мать Юліи Менгденъ рѣшилась обратиться къ милосердію императрицы Екатерины, которая и возвратила свободу Юліи. Она получила это радостное извѣстіе во время коронаціи Екатерины: тотчасъ же она отправилась въ Москву повергнуть къ стопамъ императрицы свою глубокую сердечную благодарность за дарованную, неожиданную милость.

Екатерина не только ее милостиво приняла, велѣла ей выдать прекрасныя дорогія платья, разспрашивала о ея заточеніи, пожелала видѣть вещи, тканыя и вязанныя ею. Юлія показала императрицѣ юбку, ею вязанную, и при этомъ разсказала, что за все время своего

заключенія она работала на себя и на Геймбурга. Услыхавъ, что Геймбургъ, котораго императрица считала давно умершимъ, еще живъ. Екатерина пожелала его видѣть и тотчасъ же послала за нимъ.

Онъ пріѣхалъ въ Москву, а потомъ возвратился на родину въ Брауншвейгъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Прибывъ въ Москву, Юлія хотѣла написать своей матери, что благополучно прибыла въ столицу, но не была въ состояніи составить письмо. Пока она была въ заточеніи, строжайше запрещалось заниматься перепиской, и она разучилась писать. Изъ Москвы Юлія поѣхала въ имѣніе Еркуль, гдѣ ея мать, семидесятилѣтняя старуха, встрѣтила свою дочь со слезами радости и счастія. Въ Еркуль прибылъ также и деверь Юліи, графъ Лестокъ. Онъ во многомъ способствовалъ въ несчастной судьбѣ, постигшей Юлію, а потому, мучимый угрызеніями совѣсти, не рѣшался тотчасъ же взойти въ комнату, гдѣ находилась его свояченица, когда же онъ наконецъ переступилъ порогъ, то съ такой стремительностью бросился на шею Юліи, что оба чуть не упали.

Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Юліи, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Менгденъ, поѣхалъ въ Саксонію къ бывшему ея жениху графу Линаръ, для полученія обратно 40.000 червонцевъ, приданаго его бывшей невѣты. Графъ возвратилъ всѣ 40.000 и прислалъ Юліи свой портретъ, писанный пастелью, съ надписью: „отъ преданнаго друга“. Этотъ портретъ находился въ Еркулѣ еще въ 1787 году, гдѣ доживала послѣдніе дни и годы Юлія.

Она мало выѣзжала, занимаясь хозяйствомъ, вставала въ четыре часа утра, вязала, пряла, къ чему она привыкла во время своего заключенія, слушала чтеніе вслухъ своей племянницы и воспитанницы, молодой баронессы Юліяны-Августы Менгденъ.

Привыкшая сама къ труду, она того же требовала отъ прислуги и не любила, чтобы кто-либо сидѣлъ сложа руки. Она охотно говорила о прошломъ, о времени своего заключенія, но съ большой осторожностью отзывалась о дворѣ принцессы Анны Леопольдовны. Въ послѣдніе годы своей жизни она часто хворала лихорадкой, въ родѣ маларіи, и скончалась 21 октября 1786 года, въ 3 часа по полудни. Кончина была мучительная. Юлія, указывая на свое сердце, говорила: „здѣсь, здѣсь много скрыто“. Ее похоронили 5 января 1787 года въ семейномъ склепѣ, въ имѣніи Царнекау. Къ матери своей она относилась съ глубокой привязанностью и сумѣла пріобрѣсти любовь и расположеніе всѣхъ своихъ родственниковъ и сосѣдей Еркуля. Въ своей духовной она назначила наслѣдникомъ всего своего имѣнія любимаго своего брата графа Эрнеста Рейнгольда Менгденъ.

Существуетъ предположеніе, что Елизавета Петровна намѣренно велѣла заточить въ одну комнату Юлію и Геймбурга, зная нелюбовь баронессы къ полковнику. Въ этомъ распоряженіи сказалась чисто женская мстительная злоба.

Все, что касалось Брауншвейгской семьи, лично интересовало Елизавету Петровну. Императрицу крайне раздражало, что въ Петербургѣ во дворцѣ не досчитывались нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. Нѣсколько разъ допрашивали фрейлину Юлію.

Въ мартѣ 1742 года была переписка „о неявившихся изъ золотого нахтыша двухъ коробкахъ“, а въ декабрѣ того же года спрашивали принцессу Анну Леопольдовну „о опахалѣ съ красными камнями и брилліантами“. Анна Леопольдовна отвѣчала, „что оное опахало осталось съ прочими алмазными вещами и она къ себѣ не бирала и никого имъ не даривала“.

Елизавета писала барону Корфу въ Холмогоры: „спроси Анну, кому розданы алмазныя вещи ея, изъ которыхъ много не оказываются. А ежели она, Анна, запираться станетъ, никому что не отдавала никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жульку (Юлію) разыскивать (пытать), то ежели ея жаль, то она ея до того мученія не допуститъ“ [1]).

Бестужевъ, имѣвшій громадное вліяніе въ царствованіе Елизаветы Петровны, своимъ содѣйствіемъ спасъ Юлію Менгденъ отъ пытки.

Третья дочь барона Магнуса, Марія-Аврора, была замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Германомъ Лестокомъ. Лейбъ-медикъ императрицы Елизаветы Петровны, онъ способствовалъ ея восшествію на престолъ. Когда его значеніе при дворѣ поколебалось, Лестокъ женился третьимъ бракомъ на Маріи-Аврорѣ Менгденъ: императрица благоволила къ послѣдней. Въ день свадьбы Елизавета Петровна украсила брилліантами голову невѣсты.

Лестокъ надѣялся благодаря своей женѣ снова попасть въ милость, но вліяніе его врага Бестужева одержало верхъ. Предварительно пытавъ Лестока, его сослали въ Устюгъ Великій, куда за нимъ добровольно послѣдовала его жена. Петръ III имъ дозволилъ вернуться. Несмотря на 14-лѣтнюю ссылку, на свои 74 года, Лестокъ вернулся въ Петербургъ здоровымъ, бодрымъ. Онъ видѣлъ восшествіе на престолъ Екатерины Второй и первые годы ея царствованія. Марія-Аврора скончалась въ Ригѣ въ 1808 году.

---

[1]) А. Г. Брикнеръ, Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники.

Младшая дочь барона Магнуса—Якобина, родившаяся отъ третьяго брака ея отца съ Доротеею-Софіей фонъ Розенъ, пріѣхала въ Петербургъ въ 1736 году четырнадцатилѣтней дѣвицей, въ сопровожденіи своей матери и была тотчасъ же взята фрейлиной ко двору императрицы Анны Іоанновны, гдѣ уже были фрейлинами ея три старшія сестры. Двадцати лѣтъ, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ онабыла объявлена невѣстой Густава Бирона, брата всемогущаго, въ царствованіе Анны Іоанновны, герцога Курляндскаго. Но этотъ бракъ не состоялся. При восшествіи на престолъ Елизаветы, въ 1741 году, Якобина Менгденъ была отправлена въ ссылку, также какъ и ея сестра Юлія со всей Брауншвейгской семьей, сперва въ Ригу, потомъ въ Дюнамюнде и въ Раненбургъ. По ошибкѣ ихъ чуть не отвезли въ Оренбургъ. Капитанъ гвардіи Вандомскій, которому поручено было везти арестованныхъ, принялъ Раненбургъ за Оренбургъ. До Раненбурга всѣ ѣхали вмѣстѣ, но 27 іюля 1744 года послѣдовалъ изъ Петербурга указъ перевести Брауншвейгскую семью въ Архангельскъ, а изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь.

Баронъ Корфъ, пользовавшійся полной довѣренностью императрицы, долженъ былъ немедленно уѣхать съ капитаномъ Пензенскаго полка Миллеромъ въ Раненбургъ. Ему былъ данъ приказъ взять ночью четырехлѣтняго принца Іоанна, передать его на руки Миллеру и немедленно ихъ отправить въ Архангельскъ, а на другой день, также ночью, Анну Леопольдовну съ мужемъ и дочерьми, Екатериной и Елизаветой, и подъ стражею тридцати надежнѣйшихъ солдатъ отправить въ Соловецкій монастырь. Въ указѣ было сказано: „чтобы въ дорогѣ и на мѣстѣ заключенія никто изъ посторонних не вступилъ въ разговоръ и не отвѣчать на вопросы“. Право говорить въ заключенными предоставлялось женской прислугѣ, находившейся неотступно при нихъ. Кормить приказано было безъ малѣйшей прихоти, только „сыту быть“.

Капитанъ Миллеръ долженъ былъ съ четырехлѣтнимъ Іоанномъ ѣхать въ коляскѣ въ сопровожденіи шести солдатъ безостановочно до Соловецкаго монастыря и такъ, чтобы коляска всегда была закрыта, ребенка никому, даже извощику, не показывать и называть Григоріемъ.

Пріѣздъ барона Корфа въ Раненбургъ навелъ страхъ и ужасъ на всю Брауншвейгскую семью. Корфъ сразу не рѣшился объявить причину своего пріѣзда; передалъ поклонъ императрицы и въ своемъ донесеніи въ Петербургъ [1]) спрашивалъ, нужно ли пускаться въ дорогу при нынѣшней болѣзни Анны и ея сына (Анна Леополь-

[1]) А. Г. Брикнеръ. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники.

довна была беременна) и нельзя ли будетъ взять въ дорогу Юлію Менгденъ, находящуюся при принцессѣ, но не назначенную къ отъѣзду. Если разлучить принцессу съ фрейлиной, доносилъ Корфъ, то она впадетъ въ совершенное отчаяніе".

Государыня не нашла нужнымъ отмѣнить свое рѣшеніе.

Была распутица, дождь, слякоть, съ трудомъ можно было подвигаться. Проѣхавъ полтораста верстъ, Корфъ убѣдился, что невозможно доѣхать до Соловецкаго монастыря, и отвезъ арестованыхъ въ Холмогоры, куда арестанты прибыли 9 ноября 1744 года. Въ своемъ донесеніи Корфъ представилъ всѣ затрудненія, съ которыми сопряжена поѣздка въ Соловецкій монастырь. Послѣ долгой переписки было рѣшено оставить арестантовъ въ Холмогорахъ, гдѣ Брауншвейгскую семью поселили на пространствѣ приблизительно четырехсотъ шаговъ въ длину и ширину, окруженномъ высокою деревянною стѣною, за которой были три домика и церковь. Ворота были всегда накрѣпко заперты. Маленькаго принца Іоанна Антоновича содержали по программѣ, составленной для пребыванія въ Соловецкомъ монастырѣ. Несчастный ребенокъ жилъ отшельникомъ, кромѣ Миллера никто не имѣлъ къ нему доступа. Даже его родители не знали, что ихъ сынъ содержится въ одиночномъ заключеніи, безъ всякаго воспитанія и надзора, за оградою въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Въ 1756 году Іоанна Антоновича перевезли въ Шлиссельбургъ. Когда Корфъ объявилъ, что всѣ заразъ не могутъ ѣхать, что фрейлина Юлія останется въ Раненбургѣ и послѣ пріѣдетъ, то это извѣстіе поразило какъ громомъ Анну Леопольдовну. Она поняла, что ее навсегда разлучаютъ съ ея другомъ.

Юлію замѣнила ея сестра Якобина, извѣстная своимъ сварливо-злобнымъ характеромъ. Постоянныя ея ссоры съ офицерами и нижними чинами, приставленными охранять бывшую правительницу, ея скандальныя исторіи, о которыхъ доносили въ Петербургъ, усугубляли еще болѣе тяжелое существованіе ссыльныхъ. Доносили въ Петербургъ о постоянныхъ ссорахъ „Бины" съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ, о ея романѣ съ лѣкаремъ Кожевниковымъ, и императрица Елизавета Петровна приказала „оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ, въ которой нынѣ живетъ, безвыходно и никуда изъ той палаты не выпускать, также и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни потребуетъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не пускать".

Одиночное заключеніе еще болѣе усилило раздражительность Якобины. Она колотила солдатъ, приносившихъ ей обѣдъ, выливала

имъ супъ на головы. Заключеніе было тяжкое. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она не имѣла рубашки. Когда при восшествіи на престолъ Петра III, въ 1762 году, Якобина была возвращена на родину, пробывъ въ ссылкѣ двадцать лѣтъ, она была помѣшана и находилась въ Ригѣ подъ опекою своего брата Эрнеста Рейнгольда Менгдена и ассесоровъ Зубстъ и Іоанна-Георгія фонъ-Дунтенъ. Въ томъ же году она приняла православіе. Жизнь Якобины была трагична, и до конца судьба была къ ней неумолима. Въ 1773 году, 21 августа, ее нашли въ ея домѣ въ Ригѣ, зарѣзанной съ цѣлью грабежа.

---

19 октября 1898 года, при нивеллировкѣ Рудольфской улицы, въ Ригѣ, въ форштадтѣ, въ части города, называемой Зандберге—(die Sandberge) на пяти-футовой глубинѣ, были найдены богатѣйшія серебряныя кружева, составляющія въ настоящее время въ Рижскомъ музеѣ рѣдкую коллекцію кружевъ, относящихся къ эпохѣ 1730 годовъ.

Въ „Рижской газетѣ“ за 1772 годъ была слѣдующая публикація: „Баронессу Якобину Менгденъ нашли зарѣзанной въ ея домѣ въ форштадтѣ съ цѣлью ограбленія. Если кто-либо знаетъ объ убійствѣ или если кому предложатъ купить украденныя, дорогія, шитыя золотомъ платья убитой баронессы, то просятъ о томъ заявить, дабы имѣть возможность найти убійцу и ему воздать должную кару.

Рига. Ратуша, 21 августа 1772 года“.

Въ другой публикаціи отъ 7 января 1773 года между прочимъ было сказано: „при розыскахъ убійцъ были найдены у нѣкоторыхъ бабъ дорогія, шелковыя, распоронныя платья, которыя эти же бабы предлагали купить. Другія платья были у кого-то заложены въ городѣ, а остальныя зарыты въ форштадтѣ (in den Sandbergen), откуда снова были выкрадены. Иныя вещи убитой баронессы были куплены солдатомъ третьяго батальона Василіемъ Хрипуновымъ и женами сержантовъ Аксиньей Фатикиной и Степанидой Розмида“.

Нѣтъ сомнѣнія, что найденныя при нивеллировкѣ Рудольфской улицы, между Перновской и Саперной, восточнѣе Александровскихъ воротъ, 19 октября 1898 года, вещи въ сухомъ пескѣ, какъ-то серебряныя кружева, бантъ изъ парчи (Brocatschleife) и обломки перламутроваго вѣера принадлежали Якобинѣ Менгденъ [1]).

---

[1]) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthums Kunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1899. Riga.

Одинъ изъ потомковъ Энгельбрехта, Эрнстъ фонъ-Менгденъ, былъ взятъ въ плѣнъ русскими въ 1577 году, въ царствованіе Іоанна Грознаго препровожденъ въ Москву и впослѣдствіи былъ принятъ на службу царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Эрнстъ фонъ-Менгденъ оставилъ трехъ сыновей, Эрнста, Андрея и Владиміра. У Андрея, умершаго ротмистромъ въ 1643 году, былъ сынъ Георгій, или какъ его называли Юрій Фамендинъ или Фаминдинъ. Юрій провелъ молодость въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и сошелся съ Петромъ Великимъ, участвовалъ въ его играхъ, принадлежалъ къ Потѣшной ротѣ и впослѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ. съ 1695 года по 1700 годъ. Въ 1684 году онъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ и переписывался съ Патрикомъ Гордономъ, также сподвижникомъ Петра Великаго. Въ 1690 годахъ онъ изъѣздилъ почти всю Россію. Юрій нарисовалъ первую географическую карту Россіи, въ чемъ ему помогалъ графъ Яковъ Даніилъ Брюссъ, сдѣлавшій чертежъ карты, появившейся въ началѣ XVIII вѣка въ Амстердамѣ со слѣдующимъ заглавіемъ:

„Invictissimo atque Augustissimo Imperatori Serenissimo ac Potentissimo Principi, Petro Alexievicio, utriusquè Russiae absoluto domino, in laudem et immortalem gloriam Serenissimae ejus Tzareae Majestatis, Honoris ergo Tabulam animi grati documentum, quae pars majoris et minoris Russiae, Poloniae, Tartariae, Porti Euxini, Natoliae continetur, offert, dedicat et consecrat humillimus Johannes Thesing, Amstelodamensis".

Названія городовъ, рѣкъ и т. д. были на голландскомъ языкѣ. Можно предполагать, что Юрій Менгденъ, бывши весьма образованнымъ, сопровождалъ царя въ его путешествіяхъ за границу и въ особенности въ Голландію. Юрій участвовалъ въ бою подъ Азовомъ, былъ дважды раненъ и скончался вслѣдствіе полученныхъ ранъ въ 1696 году.

У Эрнеста (Ариста Аристовича) фонъ-Менгденъ былъ сынъ Алексѣй Аристовичъ, первый изъ рода Менгденъ принявшій православіе. Онъ занималъ должность стольника при Петрѣ Великомъ и отличился въ Турецкомъ и Крымскомъ походѣ. Ему принадлежало нѣсколько вотчинъ въ Тверскомъ воеводствѣ. Въ 1687 году онъ получилъ Высочайшее разрѣшеніе на принятіе баронскаго титула, пожалованнаго еще въ 1653 году шведской Королевой Христиной его родственникамъ, оставшимся въ Лифляндіи. Его сынъ баронъ Іоаннъ Алексѣевичъ Фамендинъ или фонъ-Менгденъ пріобрѣлъ имѣніе Никольское, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда; въ чинѣ полковника участвовалъ въ войнѣ противъ Шведовъ. Въ 1725 году былъ астраханскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ тайнаго со-

вѣтника. Сынъ его, Петръ Іоанновичъ, владѣлецъ сельца Никольскаго, умеръ въ 1775 году секундъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, а его сынъ баронъ Александръ Петровичъ продалъ имѣніе въ Тверской губерніи, но оставилъ себѣ сельцо Никольское. Въ 1794 году, въ чинѣ полковника, онъ женился на княжнѣ Ѳеодосіи Николаевнѣ Козловской и былъ богатъ, кромѣ сельца Никольскаго имѣя чудное имѣніе подъ Коломной, имѣніе въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, два дома въ Москвѣ, гдѣ проводилъ зимы и куда ему по первозимью привозили изъ степной деревни муку, крупу, масло, птицу, яблоки и т. д. Большой дворъ московскаго дома переполнялся санями, нагруженными всякими припасами. Лошади отпрягались, торчали къ верху приподнятыя оглобли, шныряла по двору многочисленная дворня; тутъ были музыканты, пѣвцы, акробаты.

Прадѣдъ мой жилъ въ с. Никольскомъ со всѣми затѣями барина того времени и порядочно растратилъ свое состояніе. Его старшій сынъ Николай умеръ поручикомъ Преображенскаго полка, былъ другомъ безпутнаго американца Толстого [1]), такой же кутила, какъ и послѣдній и отличался неимовѣрной толщиной. Его мундиръ хранился въ домѣ у его младшаго брата, моего дѣда Михаила Александровича. Шутки ради мой дѣдъ вдѣвалъ свою правую руку въ одинъ рукавъ, его старшій сынъ Александръ лѣвую руку въ другой рукавъ, въ средину становились двое младшихъ сыновей и мундиръ свободно застегивался, содержавъ въ себѣ четыре человѣка. Когда Николай Александровичъ купался, онъ могъ погружаться въ воду лишь по поясъ. Какъ поплавокъ держался онъ на поверхности, и два дюжихъ молодца съ трудомъ окунали его въ воду. Съ годами онъ еще болѣе принялъ чудовищные размѣры: юбка замѣнила ему панталоны. Второй сынъ, Александръ Александровичъ, участвовалъ въ походахъ Суворова въ Италію и былъ убитъ въ

---

[1]) Толстой прозванъ американцемъ по слѣдующему случаю: Толстой отправился въ кругосвѣтное плаваніе съ извѣстнымъ Крузенштерномъ. Во время плаванія Толстой сталъ бунтовать команду, и Крузенштернъ былъ вынужденъ высадить его на Курильскихъ островахъ, гдѣ по прошествіи нѣсколькихъ дней его подобралъ американскій корабль и отвезъ въ Америку. Не имѣя никакихъ средствъ, Толстой все же добрался благополучно обратно въ Россію черезъ Атлантическій океанъ. Люди какъ Толстые не пропадаютъ. О немъ упоминается въ „Горе отъ ума“:

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ:
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ...

Швейцаріи, подъ Цюрихомъ, въ 1799 году. Къ младшему сыну, моему дѣду Михаилу Александровичу, перешло сельцо Никольское, онъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ и былъ раненъ при Аустерлицѣ, откуда онъ писалъ своему брату Николаю:

„Любезный братъ и милой другъ, я тебѣ скажу хотя и не очень пріятную новость, но здѣлай милость будь покоенъ самая бездѣлица, я раненъ въ левую ногу пулей и безъ всякой опасности, конечно я не могу иначѣ ходить какъ на костыляхъ, но признаюсь тебѣ что я никакъ бы етаго къ вамъ не написалъ: но такъ какъ я намеренъ просится впередъ, и есть ли меня отпустятъ: то я къ тебѣ напишу, и тогда надобно будетъ матушкѣ сказать, а то невозможно будетъ мнѣ явится на костыляхъ, вотъ мой милой другъ, все къ тебѣ написалъ, а что касается до баталіи: то есть ли Богъ велитъ увидется намъ, тогда поговоримъ, и я вамъ разкажу какъ нашъ баталіонъ удержевалъ француза, чтобъ не впустить въ деревню, ну прощай мой милой заочно тебя цалую твой верный другъ и братъ Михайло фонъ-Менгденъ 1805-го Декабря и 29го дня.
года

Въ двѣнадцатомъ году, полковникомъ гвардіи финляндскаго батальона, впослѣдствіи преобразованнаго въ Финляндскій полкъ, мой дѣдъ больной въ тифѣ лежалъ въ Москвѣ, въ домѣ Янишъ, на Собачьей площадкѣ, не подозрѣвая, что непріятель уже въ городѣ, когда поваръ Кондратъ вбѣжалъ въ его комнату и съ ужасомъ объявилъ, что французъ въ Москвѣ. Дѣдушка приказалъ запречь бричку и, насколько силы ему дозволяли поспѣшно сошелъ съ лѣстницы. Проходя залу, онъ захватилъ съ собою лежавшій на столѣ небольшой листокъ сѣрой бумаги. То было воззваніе къ народу графа Растопчина. Воззваніе сохраняется и по сіе время у моего отца.

Въ бричку положили коверъ, усадили больного, на козлы сѣлъ поваръ Кондратъ. Проѣзжая Молчановку, близъ Арбата, они были окружены французами. Увидавъ полковника гвардіи, французы объявили моему дѣду, что онъ ихъ плѣнникъ. Когда его здоровье немного оправилось, его отправили съ поваромъ Кондратомъ и многими другими плѣнными (въ томъ числѣ и Льва Перовскаго), во Францію, гдѣ ихъ размѣстили по разнымъ мѣстечкамъ и городамъ. Многіе не дошли до Франціи, многіе отставали, падали въ изнеможеніи и ихъ тутъ же пристрѣливали—французъ капралъ отдавалъ приказаніе, къ виску несчастнаго прикладывали дуло кремневаго ружья—партія плѣнныхъ продолжала свой путь, оставляя по дорогѣ своихъ мертвыхъ и умирающихъ товарищей. Мой дѣдъ и Кондратъ очутились въ мѣстечкѣ Дре, въ Бретани, гдѣ они и

пробыли до 1814-го года. На продовольствіе мой дѣдъ и Кондратъ получали 25 франковъ въ мѣсяцъ. Питались они большею частью устрицами и грибами. Женщина, у которой они жили, пришла въ ужасъ при видѣ жареныхъ грибовъ и объявила „qu'elle enverrait chercher le commissair de police; les prisonniers russes veuillent s'empoisonner". На другой день увидѣвъ les deux prisonniers живыми и невредимыми, она воскликнула: „il n'y a que les estomacs des sauvages qui supportent un pareil mangé". Кондратъ долго не рѣшался ѣсть устрицы, однако голодъ его заставилъ проглотить нѣсколько штукъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ ихъ уничтожалъ. Вернувшись въ Костромскую губернію, Кондратъ, хотя и былъ горькій пьяница, многіе годы прожилъ поваромъ у моего дѣда; онъ любилъ вставлять французскія слова въ меню, которые составлялъ: „помъ де теры, шу, віанды, онь-онъ" и т. д.

— А то пожалуй совсѣмъ забуду по-французски — говорилъ онъ.

Послѣ торжественнаго въѣзда Императора Александра въ Парижъ, мой дѣдъ поспѣшилъ поѣхать въ столицу Франціи, представиться своему Государю.

Во время своего пребыванія въ Дре, мой дѣдъ до того обносился, что вмѣсто сапогъ носилъ des sabots, деревянные башмаки, которые въ большомъ употребленіи и теперь у крестьянъ во Франціи. Однако, нельзя было представляться Государю въ такой обуви, сапоги же были прорваны, и изъ нихъ торчали пальцы. Мой дѣдъ взялъ толстую сахарную бумагу, вымазалъ ее чернилами, обвернулъ ею ноги и надѣлъ прорванные сапоги. Императоръ Александръ зарыдалъ при видѣ исхудалыхъ, голодныхъ, обтрепанныхъ русскихъ плѣнныхъ. Этотъ же чувствительный, мягкосердечный Императоръ довѣрялъ Аракчееву, учреждалъ въ Россіи военныя поселенія и едва не приговорилъ было Сперанскаго къ смертной казни. До своего отъѣзда въ Россію дѣдъ мой получилъ приглашеніе на молебенъ, по случаю вступленія на престолъ династіи Бурбоновъ:

Versailles.
Le 17 avril 1814.

Monsieur

J'ai l'honneur de vous inviter, à vouloir bien assister mardi prochain, heure de midi, au *Tédéum* qui sera chanté en l'Eglise Cathédrale de St. Louis, en actions de grâces de l'heureux rétablissement de la Famille des Bourbons sur le trône de France. Le Tédéum sera suivi de la Bénédiction du Drapeau que les Dames et Demoiselles de cette ville, ont offert à la Cohorte Urbaine.

La réunion des Corps invités à cette Cérémonie, aura lieu à l'hotel de la Mairie, à 11 heures précises.

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite considération Monsieur.

votre très humble serviteur

De Jouvenel.

P. S. Je vous prie de vouloir bien en faire part à Messieurs les Officiers qui sont ici avec vous.

Вернувшись на родину, мой дѣдъ командовалъ дивизіей, входящей въ составъ второй арміи, во главѣ которой былъ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ, а начальникомъ штаба генералъ Киселевъ, впослѣдствіи графъ. Однимъ изъ полковыхъ командировъ у моего дѣда былъ извѣстный декабристъ Пестель, часто посѣщавшій домъ моего дѣда. Въ разговорахъ съ моей бабушкой, какъ будто шутя, Пестель мечталъ вслухъ, „что современемъ въ Россіи онъ будетъ диктаторомъ, къ себѣ въ адъютанты возьметъ моего дядю, барона Александра Михайловича". Бабушка его останавливала, приговаривая: „Пестель, Пестель, плохо вы кончите", при этомъ она проводила пальцами по своей шеѣ. И въ голову ей не приходило, что Пестель дѣйствительно кончитъ жизнь трагично, какъ она ему предсказывала.

Михаилъ Александровичъ Менгденъ, женатый на баронессѣ Амаліи Фелькерзамъ, имѣлъ четырехъ дѣтей. Старшій Александръ воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ (нынѣ Юрьевскомъ), впослѣдствіи министръ-резидентъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1903 году; второй сынъ Николай и младшій Владиміръ, мой отецъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, учились въ Правовѣдѣніи.

Въ 1844 году, баронъ Николай Михайловичъ Менгденъ былъ зачисленъ на службу въ Сенатъ. Въ виду его слабаго здоровья, онъ получилъ заграничный отпускъ на 28 дней и по совѣту докторовъ предпринялъ морское путешествіе изъ Петербурга въ Гамбургъ. Въ Гамбургѣ ему очень понравился огромный великолѣпный купеческій нѣмецкій трехъ-мачтовый корабль, отправлявшійся въ Ріо-Жанейро. Не долго думая, Николай Михайловичъ рѣшилъ, что онъ тоже отправится въ Бразилію. Плыли они три мѣсяца, да еще на бѣду, когда проходили экваторъ, былъ штиль.

Нашъ посланникъ былъ очень обрадованъ пріѣзду русскаго соотечественника. Николай Михайловичъ его попросилъ выхлопотать ему аудіенцію у императора, донъ-Педро. Посланникъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ и передалъ желаніе барона. По-

слѣдовалъ запросъ „какую должность занимаетъ пріѣзжій русскій въ Петербургѣ“.

Мой дядя отвѣчалъ, что онъ „служитъ въ Сенатѣ“. Дѣйствительно, Николай Михайловичъ былъ помощникомъ секретаря въ Сенатѣ. Бразильскій министръ понялъ, что онъ сенаторъ, и донъ-Педро назначилъ ему аудіенцію.

Когда Николай Михайловичъ уѣзжалъ изъ Петербурга, онъ самъ не зналъ, для чего взялъ съ собой свой мундиръ, и не предполагалъ, что онъ ему будетъ весьма полезенъ. Однако, надо было подумать о шлапѣ и шпагѣ; то и другое было пріобрѣтено въ Ріо-Жанейро; въ особенности треуголка съ бѣлымъ плюмажемъ была очень красива.

Въ назначенный день донъ-Педро, окруженный своимъ дворомъ, въ тронномъ залѣ принималъ русскаго сенатора. Послѣдній, въ сенатскомъ мундирѣ, при шпагѣ, въ рукѣ треуголка съ бѣлымъ плюмажемъ, въ самомъ пріятномъ настроеніи представлялся Императору. Донъ-Педро его спросилъ: „что его привело въ Бразилію?“ Николай Михайловичъ отвѣчалъ: „что его очень интересуетъ эта чудная страна“. Тогда донъ-Педро его спросилъ: „намѣренъ ли онъ ѣхать въ глубь страны и если поѣдетъ, то чтобы онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, тотъ ему окажетъ содѣйствіе, такъ какъ пути сообщенія въ его странѣ еще не въ порядкѣ“.

Министръ низко поклонился Николаю Михайловичу. Мой дядя провелъ время въ Ріо-Жанейро превесело. Когда же онъ вернулся въ Петербургъ, то онъ былъ уже давно отчисленъ отъ службы.

Обладая счастливымъ характеромъ, относясь просто къ жизни, отчисленіемъ отъ службы онъ ничуть не огорчился. Здоровье его поправилось, морское путешествіе было ему весьма полезно. Впослѣдствіи онъ снова поступилъ на службу. Вездѣ и всѣми любимый Николай Михайловичъ былъ въ высшей степени симпатиченъ. Онъ скончался въ Ригѣ въ 1884 году.

Единственная дочь моего дѣда, Марія, оставалась при родителяхъ. Марія Михайловна вышла замужъ за графа Дмитрія Іанну-аровича Толстаго. Она была моимъ лучшимъ другомъ; въ дни невзгодъ и горя свѣтила мнѣ яркимъ путеводнымъ маякомъ. Съ самаго ранняго дѣтства я привыкла ее любить. Съ годами дѣтская привязанность перешла въ дружбу,—мы постоянно переписывались. Въ продолженіе всей ея жизни я аккуратно получала два раза въ недѣлю отъ нея письма и всегда на французскомъ языкѣ. Какъ почти всѣ ея современницы, графиня Марія Михайловна въ совершенствѣ владѣла иностранными языками.

Въ 1902 году она скончалась, оплакиваемая крестьянами села Шатова и окрестныхъ деревень, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ она провела всю свою жизнь, и гдѣ она была истымъ Провидѣніемъ для народа. Цѣль жизни Маріи Михайловны — была любовь къ ближнему. Ея доброта какъ солнце согрѣвала и давала жизнь окружавшимъ ее.

Сообщ. С. Менгденъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывки семейной хроники.

(Изъ воспоминаній баронессы Софіи Менгденъ [1]).

(*Окончаніе*).

Когда мой отецъ уѣхалъ хоронить свою мать, мы оставались въ Тулѣ, ждали весны и окончанія экзаменовъ моихъ братьевъ въ гимназіи. Мы должны были провести лѣто въ деревнѣ, а на зиму ѣхать въ Польшу.

Рано утромъ, въ теплый майскій день, большой четырехмѣстный дормезъ, запряженный шестерикомъ, стоялъ у подъѣзда нашего Тульскаго дома, на Дворянской улицѣ. Носили важи, картонки, укладывали провизію. Долго мы усаживались, пока лакей Петръ Ястребовъ не заперъ на ключъ дверцы, чтобы мы, дѣти, не могли выпасть изъ экипажа, положилъ ключъ въ карманъ и крикнувъ „съ Богомъ“ вскочилъ на козлы.

Дормезъ тронулся, погромыхивая по тряской Тульской мостовой, потянулись нескончаемые заборы, покривившіяся лачужки, промелькнула послѣдняя будка со скучающимъ соннымъ будочникомъ, наконецъ проѣхали и шлагбаумъ. Городъ еще не исчезъ изъ вида, а мы—дѣти—уже просили достать взятую съ собой провизію. Но тутъ насъ ожидало небывалое развлеченіе. Дорога была тяжелая, только что прошли обильные теплые дожди, колеса погружались на половину въ грязь. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, надо было подняться на высокую гору, откуда открывался чудный видъ на городъ. Наши губернскіе города отличаются красотой въ особенности издали. Бѣлая колокольня церкви во имя Всѣхъ Святыхъ красиво возвышалась надъ остальными церквами. Кладбище, прилегавшее къ церкви, служило пастбищемъ коровъ и лошадей городскихъ обывателей. Коровы и лошади мирно паслись межъ плитами и памятниками. Иные памятники были съ удивительными надписями. Помню: мои братья любили повторять слѣдующую надпись:

[1]) См. „Русскую Старину“, 1908 г. апрѣль.

— Подъ камнемъ симъ лежитъ Лялинъ Максимъ, имъ бы жить и веселиться, а они изволили туда переселиться.

Другая надпись гласила:

— Скончался статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ, былъ представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Возвращаюсь къ нашему путешествію. Лошади шли шагомъ, несмотря на понуканье и покрикиванье кучера Ивана Осипова. Андрюшка, форейторъ, погонялъ свою пару, бралъ то влѣво, то вправо, но ничего не помогало, дормезъ завязъ. Восьми вершковые коренники „Князь“ и „Дьяконъ“, выбившись изъ силъ—стали. Пристяжныя лягались, обдавая жидкой грязью дормезъ. Иванъ Осиповъ съ виноватымъ выраженіемъ на своемъ благообразномъ старческомъ лицѣ сидѣлъ на козлахъ, посматривая по сторонамъ.

— Черти,—ревѣлъ Петръ Ястребовъ. Но и его ругань не помогала. Лошади не трогались.

— Барыня,—послышался голосъ кучера. Тутъ по близости гуртовщики, позвольте отпречь лошадей и запречь воловъ.

Отпрягли лошадей, запрягли четырехъ воловъ, и они тихо, мѣрно потащили большой дормезъ. Зрѣлище было необыкновенное: карета, запряженная волами, тащилась медленно въ гору.

Кучеръ Иванъ Осиповъ возилъ пятое поколѣніе своихъ господъ. Онъ помнилъ еще одного изъ бывшихъ помѣщиковъ нашего имѣнія, при крѣпостномъ правѣ, который живя въ деревнѣ устраивалъ себѣ разныя развлеченія и, между прочимъ, велѣлъ построить при въѣздѣ въ усадьбу тріумфальную арку. Смастерили домашними средствами золотыя кареты, нарядили молодого красиваго мальчика въ мундиръ, красивую бабу разодѣли, посадили ихъ въ золоченую карету, запряженную цугомъ, и представляли торжественный въѣздъ въ Москву Императора Александра Павловича и Елисаветы Алексѣевны. Въ остальныя колымаги помѣстилась свита, собранная изъ дворовыхъ людей, а самъ помѣщикъ шелъ впереди шествія и звонилъ въ колокольчикъ!

Уже темнѣло, когда нашъ дормезъ, снова запряженный шестерикомъ, въѣзжалъ на плотину сосѣдняго знакомаго намъ села, расположеннаго въ пяти верстахъ отъ нашего имѣнія: прудъ, старыя ветла близъ воды, купальня, крестъ церкви надъ деревьями—все мнѣ столь знакомое, близкое. Еще пять верстъ, и мы дома, но не тутъ-то было. Послышался какой-то сухой трескъ, карету сильно встряхнуло, и мы какъ вкопанные остановились.

— Что случилось?—спросилъ матушка. Отвѣта не послѣдовало. Опять сталъ ругаться Петръ Ястребовъ, забѣгали какія-то тѣни около нашего экипажа и на вторичный вопросъ матушки: „Да отвѣчайте же, что случилось?“ послѣдовалъ наконецъ отвѣтъ Ивана

Осипова: „дальше ѣхать нельзя, должно, карета сломалась". Изъ конторы прибѣжалъ знакомый намъ нѣмецъ управляющій, въ высокихъ сапогахъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи. Онъ стоялъ у дверцы дормеза и уговаривалъ матушку пройти въ контору, пока карету починятъ. „Какъ же мы пройдемъ по грязи"—говорила матушка. „Васъ всѣхъ на рукахъ перенесутъ" отвѣчалъ онъ. Матушка согласилась и велѣла Петру Ястребову отпереть дверцы. Долго шарилъ онъ по своимъ карманамъ и не могъ найти ключъ. Ключъ дорогой былъ потерянъ. Пришлось лѣзть въ окно. Мы, дѣти, визжали и кричали отъ восторга, но каково же было матушкѣ и нашей гувернанткѣ Амаліи Егоровнѣ вылѣзать въ окно?! Дюжіе мужики насъ всѣхъ бережно на рукахъ перенесли въ контору.

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ нашу усадьбу. Заснувъ въ каретѣ, я была разбужена знакомымъ, радостнымъ лаемъ нашихъ друзей „Шарика", „Діанки", „Чурбана". Я видѣла изъ окна дормеза забѣгавшіе огни въ окнахъ нашего дома и надъ елями темный небосклонъ, усыпанный милліардами звѣздъ. Мнѣ казалось, что нѣтъ нигдѣ въ мірѣ болѣе крупныхъ ласково мерцающихъ звѣздъ, чѣмъ озарявшія мое счастливое дѣтство.

Въ дѣтствѣ домъ, комнаты представлялись мнѣ громадными. Съ каждымъ возвращеніемъ весной въ усадьбу ихъ размѣры какъ будто уменьшались, а мое душевное радостное волненіе увеличивалось. Хотя лѣтнее время считалось каникулами, были и занятія. Матушка сама мнѣ давала уроки французскаго языка.

Бывало, сидишь въ кабинетѣ матушки, окна открыты въ садъ, воробьи весело чирикаютъ, пчелы жужжатъ вокругъ цвѣтовъ, пестрыя бабочки летаютъ высоко, на столѣ лежитъ тетрадь, я должна написать verbe „avoir". Когда вспомнишь то время, удивляешься терпѣнію матушки. „Comment est l'infinitif du verbe avoir?.." спрашиваетъ она. „L'infinitif du verbe avoir" повторяю я. „Oui, l'infinitif du verbe avoir?" Господи, и кто придумалъ этотъ verbe avoir и кому онъ нуженъ, думаю я, слѣдя за пролетомъ коршуна, за которымъ съ пронзительнымъ свистомъ гонится стая ласточекъ. А если матушка не замѣчаетъ, то братъ Юрій меня поддразниваетъ и шепчетъ:

— Учить французскую грамматику—пустяки, да и въ русской обращай только вниманіе на главное предложеніе, и не столько на предложеніе, сколько на придаточное предложеніе.

На свѣтѣ все преходяще, и лѣто промелькнуло быстро, безвозвратно. Насталъ день отъѣзда въ Варшаву. Въ залѣ собрались дворовые люди. Отецъ Никита служилъ напутственный молебенъ. Въ домѣ у моихъ родителей была домовая церковь. Священникъ былъ изъ заштатныхъ, глубокій старикъ, учился въ семинаріи, сидѣлъ

на одной скамьѣ съ извѣстнымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Когда спрашивали отца Никиту „почему онъ отсталъ отъ Филарета“ онъ отвѣчалъ: „отсталъ по риторикѣ, по риторикѣ отсталъ. Филаретъ былъ изъ благонравныхъ, а меня приходилось драть по субботамъ“.

Во время молебна всѣ плакали, съ нами прощались, какъ будто насъ ссылали въ Сибирь. Много было разсказовъ о повстаніи 1863 года. Говорили, что не безопасно въ Варшавѣ.

Мы ѣхали на Москву и Петербургъ. До Москвы на почтовыхъ. Москву я смутно помнила. Проводя зиму въ деревнѣ, мы ѣздили на короткое время въ Бѣлокаменную. Жили мы въ меблированныхъ комнатахъ Варгина, ходили гулять въ сопровожденіи лакея въ гороховой ливреѣ съ пелеринками. Полагаю, что мы своимъ появленіемъ на улицѣ производили впечатлѣніе: лакей просилъ публику посторониться; „господа идутъ“ говорилъ онъ строго, а я раскланивалась направо и налѣво, пока Амалія Егоровна не объяснила мнѣ, что въ городѣ не здороваются со всѣми встрѣчными, какъ въ деревнѣ. Удивительны были вывѣски въ Москвѣ, въ особенности вывѣски цирюльниковъ: непремѣнно была нарисована дама въ вырѣзномъ платьѣ съ вычурной прической (въ то время была мода больнымъ пускать кровь, цирюльникъ исполнялъ должность фельдшера), изъ руки дамы, изображенной въ бальномъ платьѣ, кровь бьетъ фонтаномъ, а на одной вывѣскѣ надпись гласила: „Митрій Ефимовъ ученый фершалъ и костоправъ, вывихъ вправляетъ, зубы вырываетъ, банки ставитъ, кровь бросаетъ, піявицъ припущаетъ, кому куда угодно“.

Петербургъ не поразилъ меня своей холодной красотой. Онъ мнѣ остался памятенъ по слѣдующему случаю. Матушка повезла меня къ своему другу дѣтства, Е. А. Рихтеръ. Это была одна изъ великосвѣтскихъ дамъ петербургскаго общества. Не бывши красавицей, Е. А. Рихтеръ была очень представительна, держалась прямо, говорила тихо, свысока. На меня она навела страхъ, но ея дочь Катюша мнѣ полюбилась съ перваго раза. Хорошенькая дѣвочка съ бѣлокурыми локонами, одѣтая по модѣ, въ кринолинѣ, въ коротком платьѣ съ туго натянутыми чулками, она быстро ко мнѣ подошла, и мнѣ показалось, что она улыбнулась, глядя на мои длинныя, старомодныя панталоны съ обшивкою изъ broderie anglaise, покрывавшую на половину прюнелевые башмаки, напоминавшія пушистыя лапы бѣлыхъ голубей. Однако Катюша какъ благовоспитанная дѣвочка виду не показала, что я ей кажусь смѣшной. Она быстро ко мнѣ подошла и спросила:

— Играю ли я въ казаки и разбойники?

Тѣнь смущенія у меня исчезла, и мы были знакомы. Вообще, я осталась очень довольна нашимъ посѣщеніемъ у Е. А. Рихтеръ.

Дорога изъ Петербурга въ Варшаву не представляла много разнообразія и красоты. Сперва болота, а потомъ большею частью мѣстность лѣсистая. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Варшавѣ, тѣмъ больше было срубленнаго лѣса. Мѣстами лѣсъ былъ выжженъ. Зрѣлище было печальное, множество срубленныхъ деревьевъ лежало въ безпорядкѣ; уцѣлѣвшія отъ огня мрачно чернѣли обугленными стволами. Въ чащѣ лѣса скрывались банды повстанцевъ, стрѣляли въ поѣзда, и правительствомъ былъ данъ приказъ вырубать лѣсъ вдоль полотна желѣзной дороги. Въ поѣздѣ было безлюдно, кромѣ насъ и генерала съ конвоемъ никого не было. Разсказы о повстанцахъ меня не пугали. Я думала о Катюшѣ, о ея матери. Ночью мнѣ снилось, что мой отецъ женится на Рихтеръ и она говоритъ отцу моему:

— Я научу вашихъ дѣтей порядку, очень вы ихъ распустили.

Я просыпалась, похолодѣвъ отъ страха, боясь пошевельнуться. Полный мѣсяцъ заливалъ мягкимъ свѣтомъ вагоны, слышенъ былъ только мѣрный шумъ колесъ. Вокругъ меня всѣ мирно спали.

Большею частью осень въ Польшѣ бываетъ прекрасна. Когда мы пріѣхали въ Варшаву, въ сентябрѣ, стояла теплая погода. Городъ не былъ такъ красивъ, какъ въ настоящее время. На лучшихъ улицахъ было много низкяхъ одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ, тянулись деревянные заборы, мѣстами какъ рѣшето прострѣленные во время повстанія.

Не было той изящной пестрой толпы, какъ теперь. Большинство женщинъ были въ глубокомъ траурѣ по „отчизнѣ“. Многія дѣти, посвященныя при рожденіи Богородицѣ, были всегда одѣты, до извѣстнаго возраста, въ бѣлый и голубой цвѣтъ, а мальчики капуцинами, въ коричневой рясѣ, опоясанной бѣлымъ шнуромъ. Варшава была на военномъ положеніи. Какъ только темнѣло, никто не смѣлъ идти по улицѣ безъ зажженаго фонаря, или надо было имѣть при себѣ билетъ о благонадежности, выданный полиціей, иначе васъ арестовывали и вели въ участокъ. Разсказывали про эпизодъ, случившійся съ извѣстнымъ Горбуновымъ. Бывши проѣздомъ въ Варшавѣ, Горбуновъ шелъ вечеромъ, пѣшкомъ, нарочно безъ фонаря; городовой остановилъ его и спросилъ „почему у него нѣтъ фонаря?“

Горбуновъ отвѣчалъ, „что не зналъ обязательства имѣть оный“.

— Если такъ, то идемъ до козы (въ участокъ).

Горбуновъ повиновался. Дорогою они разговорились. Видя добродушіе Горбунова, городовой сказалъ:

— Иди, баринъ, себѣ домой, тебя не стоитъ вести до козы.

Горбуновъ сталъ требовать его вести въ участокъ. Городовой наотрѣзъ отказался, о чемъ Горбуновъ очень пожалѣлъ. И дѣйствительно жаль: побывай Горбуновъ въ участкѣ, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ нашелъ бы еще матеріалъ для одного изъ своихъ многочисленныхъ разсказовъ.

Въ царскіе дни всѣ жители Варшавы обязаны были освѣщать свои дома. На каждомъ окнѣ зажигали по двѣ свѣчи, что̀ придавало улицамъ праздничный видъ. Магазины въ то время были довольно плохи, исключая башмачныхъ. Польки, также какъ и француженки, щеголяютъ обувью. Ножки у нихъ маленькія, обуты онѣ прекрасно. Я въ первый разъ видѣла высокіе дамскіе шнурованные кожаные башмаки, называемые тогда краковскими. По пріѣздѣ въ Варшаву, матушка купила такіе башмаки моей маленькой сестрѣ и мнѣ. Гуляя по улицамъ, мы останавливались поглядѣть на нашу обувь и полюбоваться ею.

Саксонскій садъ, находящійся посреди города, со своими вѣковыми каштановыми аллеями, былъ прекрасенъ, какъ и теперь. Каждая аллея имѣла свое названіе: аллея сенаторовъ, любви, вздоховъ и т. д. Садъ не былъ посѣщаемъ польской аристократіей, по ихъ понятіямъ ce n'était pas comme il faut d'y aller. По субботамъ садъ не былъ привлекателенъ, весь переполненный евреями, а воздухъ былъ невыносимъ. Кишмя кишѣло красивыми еврейскими дѣтьми. Съ четырехъ сторонъ сада были желѣзныя ворота, запиравшіяся на ночь. У нихъ днемъ стояли городовые и пускали только прилично, чисто одѣтую публику; оборванцевъ или съ тюкомъ или узломъ не допускали въ садъ. Желѣзная рѣшетка отдѣляла садъ отъ рынка, называемаго „Желѣзной Брамой". На этомъ рынкѣ торговали еврейки, сидя подъ большими темными зонтиками. Зимой онѣ приносили большіе чугунные горшки съ горячими углями и грѣлись около нихъ, даже садились на эти чугуны. Вдоль рынка, вокругъ евреевъ и евреекъ, торгующихъ разными фруктами, овощами, мясомъ и разными съѣстными припасами, тянулись небольшія суровскія лавки. Грязь, вонь, толкотня были на Желѣзной Брамѣ невообразимыя, а безъ этого рынка нельзя было обойтись. Въ пятницу закупалась провизія, въ субботу въ шабашъ ничего нельзя было достать. Вся торговля была въ рукахъ евреевъ. У каждаго пріѣзжаго русскаго былъ свой „факторъ". Этотъ факторъ еврей доставлялъ вамъ все, что угодно, для него ничего не было невозможнаго. Въ особенности въ губернскихъ городахъ не имѣть фактора было тогда немыслимо. Нашъ знакомый Х., получивъ назначеніе въ одинъ изъ польскихъ губернскихъ городовъ, пожелалъ пристроить къ своему дому веранду. Былъ призванъ еврей, зани-

мавшійся этимъ дѣломъ, но онъ заломилъ такую цѣну, на которую было немыслимо согласиться. Послали за другимъ, третьимъ. Каждый изъ евреевъ подымалъ цѣну. Тогда Х. обратился къ своему фактору, и тотъ ему представилъ еврея, который за умѣренную цѣну смастерилъ желаемую веранду. Оказалось, что каждый пріѣзжій въ городъ тотчасъ же оцѣнивался кагаломъ (хазуки). Съ удивительной точностью узнавали семейное, денежное положеніе каждаго пріѣзжаго, и его кагалъ продавалъ одному изъ своихъ собратьевъ. Производилось это такъ ловко, что вы непремѣнно должны были обращаться къ вашему фактору, не подозрѣвая, что вы ему проданы, иначе съ васъ требовали вдвое, втрое дороже, такъ какъ никто другой не смѣлъ отъ васъ принимать какія-либо порученія или заказы.

Когда еврейка выходитъ замужъ, ей обязательно брѣютъ волосы, она носитъ парикъ. Бѣдныя, не имѣя возможности купить парика изъ волосъ, носили черный или коричневый изъ шелковой матеріи парикъ. Проборъ прошивался бѣлой ниткой. Такой головной уборъ уродовалъ самыя красивыя лица, а красивыхъ евреекъ много. Мужчины евреи носили долгополые сюртуки и были въ пейсахъ, что̀ теперь рѣдко встрѣчается въ Варшавѣ. По воскресеньямъ Саксонскій садъ посѣщала другая публика. То были поляки не аристократы, а мелкіе чиновники съ ихъ семьями, прикащики, лакеи, горничныя и т. д. Всѣ они были разодѣты, вели себя прилично, никогда не встрѣчался пьяный. Горничная или прачка была такъ же прекрасно одѣта, какъ и ея пани. Полька никогда не надѣнетъ на голову платокъ, у каждой обязательно есть „капелюшъ“ шляпа, а если не на что купить капелюшъ, она идетъ съ непокрытой головой „простоволосая“, какъ у насъ говорится. Для польки и для поляка обязательно быть разодѣтыми, когда они идутъ на „шпацыръ“. Въ будни и въ богатыхъ домахъ можно было однако встрѣтить неряшливо одѣтую, босую прислугу, какъ мужскую, такъ и женскую. Въ Варшавѣ существовали еврейскія лавки, гдѣ можно было получать мужское платье на нѣсколько часовъ и платить по часамъ, глядя по качеству платья, 30, 40, 50 копѣекъ. Нерѣдко—и это характерная польская черта,—вы встрѣчали въ Саксонскомъ саду элегантно одѣтаго молодого человѣка, не подозрѣвая, что онъ только что былъ въ лавкѣ у какого-нибудь Берлинерблау или Полирштока, гдѣ раздѣвъ его предварительно, ему надѣвали все новое, начиная съ элегантныхъ сапогъ до моднаго цилиндра,—къ жилеткѣ привѣшивали бронзовую часовую цѣпочку и въ руки давали тросточку. Онъ фертомъ шелъ на „шпацыръ“ въ Саксонскій садъ, гдѣ важно прогуливался, а по истеченіи звѣстнаго срока онъ возвращался въ лавочку къ Берлинерблау гдѣ снова происходила метаморфоза: его раздѣвали, и онъ снова

облачался въ свое старое платье. Русское общество посѣщало Саксонскій садъ, большею частью между часомъ и пятью. Въ то время русское общество въ Варшавѣ было не велико, всѣ другъ друга знали и жили дружно. Для насъ, дѣтей, гулять въ Саксонскомъ саду было большимъ удовольствіемъ. Мы тамъ встрѣчали нашихъ друзей, дѣтей графини Барановой, Гурко и многихъ другихъ. Ежедневно въ саду гулялъ комендантъ города, старикъ князь Бебутовъ. Онъ любилъ дѣтей, разговаривалъ съ нами. „Здравствуйте, дѣти, здравствуй, мадамъ", говорилъ онъ, встрѣчая насъ и обращаясь къ Амаліи Егоровнѣ. Моимъ братьямъ и другимъ знакомымъ мальчикамъ онъ предлагалъ бѣжать въ перегонки. Кто первый добѣжитъ до конца аллеи, получалъ фунтъ винограда отъ князя Бебутова. Съ шумомъ и крикомъ бѣжали мальчики, толкая прохожихъ, что̀ побудило моихъ родителей запретить братьямъ, къ великому ихъ огорченію, посѣщать Саксонскій садъ.

Князь Бебутовъ любилъ оригинальничать: гуляя по саду, заложивъ руки за спину, онъ часто что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Что съ вами, князь? Вы какъ будто не въ духѣ сегодня, — спрашивали его.

— Я сегодня важничаю,—отвѣчалъ онъ.

Встрѣчая офицера, отдававшаго ему честь, князь приговаривалъ: „козыряй, козыряй, стану я всякому кланяться". Князь былъ добръ, а потому его адъютантъ не обижался, когда, пригласивъ къ себѣ къ обѣду гостей, князь ему говорилъ:

— Ты, братъ, сегодня не обѣдай у меня, я пригласилъ приличную публику.

Князь былъ любитель балета, часто посѣщалъ его, былъ абонированъ. Его ложа была недалеко отъ сцены. Когда князь былъ вполнѣ доволенъ исполненіемъ замысловатыхъ па хорошенькой балерины, прозванной „жучкомъ", князь громко, не стѣсняясь, говорилъ: „хорошо, жучекъ, спасибо, жучекъ".

Время было тяжелое въ Варшавѣ. Вездѣ и всюду чувствовалась непріязнь. Мы были пришлые, недруги. Съ дѣтства полякамъ вселяютъ вражду къ русскимъ, и мы не разъ ее испытали. Мои братья носили русскія рубашки, а для гулянья надѣвали поддевки. Русское платье видимо не нравилось публикѣ, и два раза незнакомыя дѣти плевали на моихъ братьевъ. Не будь при этомъ гувернера моихъ братьевъ, произошла бы формальная драка. Братъ Юрій съ поднятыми кулаками бросался на своего врача. Разъ во время прогулки по Маршалковской улицѣ съ моимъ отцомъ и братьями, одна дѣ-

вочка, незамѣтно для меня, подошла и собиралась меня дернуть за косу. Мой отецъ успѣлъ ее отстранить.

Прислуга была у насъ русская, всѣ съ нами пріѣхали, исключая буфетнаго мужика, поляка, нанятаго въ Варшавѣ, и казака, исполнявшаго должность курьера. Этотъ казакъ былъ очень любимъ нами, дѣтьми, и я глубоко жалѣла, что милѣйшая Амалія Егоровна не позволяла мнѣ подолгу съ нимъ разговаривать, какъ это дѣлали мои братья. Казакъ имъ разсказывалъ о своей семьѣ, что во время повстанія онъ ничего не набралъ въ Польшѣ, въ дѣлѣ не былъ, а все въ городѣ при господахъ. „Вернусь домой, жена по щекамъ будетъ бить. Былъ на войнѣ и ничего не привезъ", жаловался онъ. Улучшишь бывало минутку, когда Амалія Егоровна не видитъ, и постоишь въ дѣвичьей, слушая разсказы казака, или какъ онъ уговариваетъ дѣвушекъ идти смотрѣть, какъ рано утромъ будутъ кого-то „вѣшать".

— Отчего самъ не идешь?—спрашиваетъ Настя.

— Не могу, отвѣчаетъ казакъ, все нутро переворачиваетъ.

— Хорошъ самъ, а еще казакъ, а насъ посылаешь, — презрительно отвѣчаетъ Настя.

Похолодѣвъ отъ ужаса, я бѣгу обратно въ дѣтскую. Казакъ исполнялъ всегда съ большой охотой наши дѣтскія порученія. Когда мы имѣли капиталъ въ 15 или 20 копѣекъ, мы его просили купить сливъ у еврейки, торговавшей на углу нашей улицы. Возвращаясь съ покупкой и передавъ ее намъ, казакъ вынималъ еще нѣсколько лишнихъ сливъ изъ обшлага своего рукава и поровну раздѣлялъ ихъ между нами, при чемъ хвасталъ, что онъ надулъ жидовку, опустивъ незамѣтно для нея нѣсколько сливъ въ свой рукавъ. Мы съ аппетитомъ ѣли сливы, восторгаясь ловкостью и удальствомъ казака.

Буфетный мужикъ Станиславъ, всегда угрюмый, неразговорчивый, безпрекословно исполнялъ свое дѣло. Его молодое, некрасивое лицо, съ мрачными глазами изъ-подъ нависшихъ бровей, было непривлекательно. Остальная прислуга сторонилась Станислава. Разъ утромъ, придя въ столовую пить чай, мои братья въ большомъ волненіи объявили, что приходила полиція и арестовала Станислава. За что, почему? спрашивали всѣ другъ друга. Мой отецъ сталъ наводить справки, и оказалось, что Станислава посадили въ цитадель, за участіе въ повстаніи; онъ былъ въ бандахъ, ходилъ до лясу. Его давно искала полиція, а онъ, имѣя фальшивый паспортъ чернорабочаго, поступилъ въ русскій домъ, предполагая, что никому въ голову не придетъ его искать у русскихъ. Онъ былъ дворянинъ, окончилъ Петербургскій университетъ. Мои братья стали вспоминать, что по утрамъ, когда Станиславъ приносилъ имъ воду для

умыванья, и они повторяли латинскіе вокабулы, буфетный мужикъ говорилъ латинскія слова, но они тогда не обратили на это вниманія. Мои братья стали находить въ своей комнатѣ на столѣ письма, написанныя печатными буквами, съ просьбой послать Станиславу въ цитадель чаю, сахару, папиросъ, что̀ мои братья съ радостью исполняли. Черезъ посредство начальства цитадели, Станиславу было передано все, что онъ просилъ, но мы никогда не могли узнать, когда и кто приносилъ письма, кто ихъ клалъ на столъ въ комнатѣ братьевъ. Со временемъ письма стали рѣже и понемногу прекратились. Какая судьба постигла Станислава, куда онъ дѣлся, осталось тайной.

15-го ноября былъ вечеръ у Д. Матушка взяла меня на этотъ вечеръ. Дочь хозяйки дома, взрослая дѣвица, не обращала на меня вниманія. Мнѣ было скучно, хотя я и хотѣла себя увѣрить, что мнѣ очень весело со взрослыми. Хозяйка была взволнована, и ея волненіе невольно отражалось на гостяхъ. Самъ Д. обѣдалъ у князя Черкасскаго и долженъ былъ вернуться тотчасъ же послѣ обѣда, но онъ прислалъ сказать, что и вечеръ проведетъ у князя.

Въ ночь съ 15-го на 16-е должно было произойти внезапное, повсемѣстное закрытіе римско-католическихъ монастырей въ Польшѣ за участіе въ мятежѣ, за снабженіе деньгами революціоннаго правительства. Въ Варшавѣ должны были закрыть семь монастырей, въ томъ числѣ и Бернардинскій, гдѣ былъ найденъ типографическій станокъ и большое количество оружія. Нѣкоторые монастыри подлежали упраздненію съ постепеннымъ уменьшеніемъ числа монаховъ. Кто желалъ, могъ уѣхать за границу, получая деньги на проѣздъ, но безъ права возращенія на родину. Въ каждомъ монастырѣ оставалось два—три монаха для богослуженія и обученія въ семинаріи. Закрытіе монастырей произвело сильное впечатлѣніе на публику. Всѣмъ руководилъ князь Черкасскій. Энергичное исполненіе и тайна, съ которыми велось дѣло, поразили общество. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ для исполненія этого важнаго дѣла, былъ и Д., въ домѣ котораго мы были на вечерѣ. Великое было удивленіе народа, когда 16-го ноября за ранней обѣдней вмѣсто нѣсколькихъ монаховъ служилъ всего одинъ. Вопль и плачъ огласили костелы, въ особенности негодовали женщины. Утромъ, идя на рынокъ, кухарки, горничныя обязательно заходятъ въ костелъ, хоть на нѣсколько минутъ. Многіе лежатъ на полу распростертыя „кшижемъ“. Каждый чувствуетъ, понимаетъ, толкуетъ по-своему религію, ту таинственную силу или Бога, которая управляетъ нами. Часто простой народъ, въ особенности женщины, дѣйствуетъ безсознательно, покоряясь внушенію извѣстныхъ лицъ, извращающихъ религію съ поддержкой церкви. Въ одной рус-

ской семьѣ была кухарка, тихая, трудолюбивая женщина. Она обсчитывала своихъ господъ, и прислуга голодала, но денегъ кухарка не брала, она покупала мясо, варила супъ и относила его въ большихъ мискахъ на паперть костела нищимъ католикамъ, вполнѣ убѣжденная, что она прекрасно поступаетъ. Эта же кухарка постоянно носила вериги и по нѣсколько разъ въ день становилась на колѣни, глядя на часы, провѣряя себя, молится ли она число минутъ и часовъ ей назначенныхъ. Въ Т. губерніи богатая помѣщица О., гордая своимъ древнимъ дворянскимъ происхожденіемъ, ежедневно стоя на молитвѣ, заставляла свою компаньонку читать житіе святыхъ. Она умилялась, слушая чтеніе о мученической кончинѣ знатныхъ святыхъ. Жизнь и кончина царицы Александры, Св. Георгія ее глубоко трогали. Она вѣрила легендѣ, что царица Александра была неравнодушна къ храброму и красивому юношѣ-воину, имѣвшему почетное положеніе при дворѣ императора Діоклетіана. Кто знаетъ, можетъ быть, въ тайникахъ своей души, помѣщица вспоминала свою молодость, свое увлеченіе въ былое время какимъ-нибудь бравымъ, знатнымъ гвардейцемъ, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ клала земные поклоны. Но чтеніе о подвигахъ святыхъ, напримѣръ Конона Градаря, 5-го марта, Фрола и Лавра, 18-го августа,—помѣщица слушала разсѣянно, безъ умиленія и особеннаго усердія: то были люди простые, незнатнаго происхожденія. Кононъ Градарь огородникъ; Фролъ и Лавръ ремесленники, каменщики — ихъ подвигами не стоило, по ея соображенію, умиляться, и компаньонка обязана была за помѣщицу класть земные поклоны.

17-го ноября, насъ, дѣтей, не пустили идти гулять, боялись уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ, по случаю закрытія монастырей. Войска стояли наготовѣ, однако все было тихо, безпорядковъ не было.

Центромъ, гдѣ собиралось русское общество, былъ домъ князя Черкасскаго. Княгиня принимала каждый вечеръ. Черкасскіе были бездѣтны и всю свою любовь перенесли на семью сестры княгини, графини Барановой, вдовы бывшаго тверского губернатора, графа Павла Баранова.

Семья Барановыхъ была многочисленна,—семь человѣкъ дѣтей—что̀ оживляло большую квартиру Мостовскаго палаца, занимаемаго Черкасскимъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Часто бывали дѣтскія сборища, играли въ разныя игры, было очень весело, и мы очень любили бывать у Черкасскихъ. Всегда занятый, серьезный, князь прояснялся, глядя на веселыя, шумныя дѣтскія игры. Онъ ласково шутилъ съ дѣтьми, не было того остраго, проницательнаго взгляда, съ которымъ онъ любилъ подсмѣиваться и

поддразнивать людей, ублажавшихъ себя высокомѣріемъ и самодовольствомъ. Его боялись. За проведеніе монастырской реформы его называли въ Варшавѣ „le pape noir". Князь всецѣло отдавался дѣлу, не допуская полумѣръ. Много толковъ возбудило въ то время загадочное убійство жандармскаго офицера въ имѣніи графини Потоцкой, Вилляновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы. Постановленіе 1864 года налагало штрафъ на помѣщика, на землѣ котораго произошло политическое убійство. Графиня Потоцкая должна была уплатить штрафъ въ 12.000 рублей, но она заявила, что въ виду мятежа не получаетъ доходовъ, уплатить денегъ не можетъ и просила взять годовой вексель, что было принято правительствомъ, но графиня хотѣла доказать, что ея дѣла въ весьма плохомъ положеніи и выставила для продажи свое фамильное серебро, заключавшееся въ разныхъ крупныхъ вещахъ, ковшахъ, кубкахъ и т. д. На каждой вещи была обозначена цѣна. Серебро было выставлено въ Варшавѣ на главной улицѣ въ магазинѣ, въ домѣ Бейера, на углу улицы Крулевской и Краковскаго предмѣстья. Князь Черкасскій не вѣрилъ въ дѣйствительную продажу этихъ вещей. Проходя однажды мимо дома Бейера, онъ зашелъ въ магазинъ, и, выбравъ одну вещь, гдѣ была выставлена цѣна въ 300 рублей, заявилъ, что онъ ее покупаетъ. Князя знали въ Варшавѣ, ювелиръ его узналъ, сконфузился и отвѣчалъ, что не можетъ отдать вещь, не получивъ на то согласія графини Потоцкой, которой въ то время не было въ городѣ. Черкасскій былъ правъ, не вѣря въ эту продажу. Графиня Потоцкая, какъ выше сказано, выдала вексель, въ надеждѣ, что этотъ штрафъ будетъ сложенъ, и дѣйствительно, въ виду ея ходатайства у лицъ высокопоставленныхъ, между прочимъ у графа Берга, покровительствовавшаго польской знати, предполагалось сложить штрафъ. Князь Черкасскій очень хорошо зналъ, что графиня Потоцкая не только не принимала никакихъ мѣръ противъ политическихъ преступленій, а скорѣе поощряла ихъ. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Черкасскій, за шесть мѣсяцевъ до срока платежа, велѣлъ продать этотъ вексель одному еврею съ уступкой пятисотъ рублей. Ужасъ графини и всѣхъ хлопотавшихъ за нее былъ великъ. Князь велѣлъ продать вексель подъ предлогомъ пополненія кассы, составляемой изъ штрафовъ.

Я же помню князя всегда ласковымъ, веселымъ. Играя разъ въ залѣ, мы, дѣти, съ разбѣга открыли дверь и всей ватагой съ шумомъ ворвались въ сосѣднюю комнату, гдѣ за длиннымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ князя, засѣдало многочисленное собраніе. Цѣпляясь за стулья сидящихъ у стола, мы обѣжали кругомъ комнаты и снова выбѣжали въ залу. Князь вышелъ за нами и спо-

койно обратился къ своей женѣ, понросивъ ее насъ не бранить и не наказывать. Вернувшись въ комнату, гдѣ происходило засѣданіе, князь притворилъ за собой дверь, было слышно, какъ щелкнулъ замокъ. Мы поняли неумѣстность нашей выходки и сконфуженно присмирѣли.

Въ Польшѣ большой интересъ представляетъ Ченстоховскій монастырь, куда тысячами стекаются богомольцы на поклоненіе чтимой чудотворной иконѣ Ченстоховской Божіей Матери. Князь Черкасскій пожелалъ частнымъ образомъ осмотрѣть монастырь и предложилъ моему отцу съ нимъ поѣхать. Мой отецъ, не бывавшій въ Ченстоховѣ, съ удовольствіемъ согласился на эту поѣздку. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Ченстохова, гдѣ ихъ ждалъ губернаторъ Кохановъ и уѣздный начальникъ, они въ двухъ коляскахъ поѣхали въ монастырь, находящійся близъ Петрокова. У главной церкви ихъ встрѣтилъ пріоръ (архимандритъ). Князь Черкасскій заговорилъ съ нимъ по-русски, но пріоръ отвѣчалъ знаками „что не понимаетъ“. Князь заговорилъ по-французски, по-нѣмецки, отвѣтъ былъ все тотъ же—непониманіе. Тогда Черкасскій обратился къ пріору по-латыни, и они долго бесѣдовали.

Чудотворный образъ Божіей Матери, славянскаго письма, находится въ особой церкви. Войдя въ оную, они увидѣли двухъ монаховъ, читавшихъ про себя молитвы; нѣсколько человѣкъ лежало кшижемъ на полу. За моимъ отцомъ и Черкасскимъ, исключая губернатора Коханова и уѣзднаго начальника, взошло еще человѣкъ десять народа. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, они ждали, пока монахи прочли молитву, послѣ которой дозволялось открыть образъ. Икона помѣщалась высоко надъ алтаремъ. Одинъ монахъ потянулъ снурокъ; медленно сталъ подыматься щитъ, закрывавшій ликъ Божіей Матери. При видѣ иконы народъ радостными криками огласилъ костелъ. По прошествіи двухъ—трехъ минутъ, образъ снова былъ закрытъ. Тотчасъ же поднялся плачъ и вопль отчаянія. Осмотрѣвъ кельи, путешественники поѣхали въ русскій клубъ. Губернаторъ Кохановъ хвасталъ, что поляки, изъ мелкихъ чиновниковъ, посѣщаютъ оный. При зданіи клуба былъ небольшой садъ съ лужайкой, посреди которой возвышался деревянный столбикъ, гдѣ стояла клѣтка съ ученымъ скворцомъ. Скворецъ весело что-то насвистывалъ. Огибая дорожку близъ лужайки, мой отецъ замѣтилъ, что одинъ изъ чиновниковъ, полякъ, шедшій за ними, взявъ горсть песку, бросилъ ее въ скворца. Скворецъ замолкъ, нагнувъ голову, и съ любопытствомъ осматривалъ проходящихъ, затѣмъ онъ снова весело засвисталъ. Снова полетѣла въ него горсть песку.

— Чѣмъ имъ мѣшаетъ своимъ пѣніемъ скворецъ? — спросилъ мой отецъ Коханова. Да вы прислушайтесь къ его пѣнію, — отвѣчалъ Кохановъ.

— Еще Польша не сгинѣла — насвистывалъ весело скворецъ.

На возвратномъ пути мой отецъ и Черкасскій смѣялись, вспоминая, какъ чиновникъ старался заставить замолчать скворца; тутъ же отецъ замѣтилъ Черкасскому, что онъ не ожидалъ, что онъ такъ хорошо изъясняется по-латыни. Но князь отвѣчалъ: — Не могу похвастать знаніемъ латинскаго языка, да и каналья пріоръ тоже скверно говоритъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, пріоръ далъ зарокъ не говорить со мною, однако онъ не могъ притвориться, что латынь ему непонятна. Чортъ знаетъ, какую мы несли съ нимъ ахинею.

Во время повстанія 1863 года тяжело жилось всѣмъ въ Польшѣ. Война притупляетъ разумъ,—факты, возмущавшіе людей въ обыденное тихое время, во время войны принимаются за обыкновенное явленіе. Когда революціонная партія красныхъ взяла верхъ, былъ изданъ указъ, возвѣщавшій въ прокламаціяхъ отмѣну баловъ, театровъ и запрещеніе жениться подъ угрозой смертной казни. Прокламаціи печатались въ Познанскихъ и Краковскихъ газетахъ, прикладывалась печать народоваго жонда. Часто эти указы нарушались. Такъ помѣщикъ Варшавской губерніи, молодой Х., тайно повѣнчался въ Варшавѣ. Молодые рѣшили уѣхать за границу, предварительно заѣхавъ въ свое имѣніе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы, куда они отправились на лошадяхъ въ элегантной каретѣ. Въ тиши надвигавшейся ночи,—счастливые, довольные въѣзжали они въ свою усадьбу, когда внезапно со всѣхъ сторонъ ихъ окружили вооруженные повстанцы.

Народовый жондъ былъ предупрежденъ, что Х. только-что повѣнчался. Довудца поспѣшилъ прибыть въ усадьбу до пріѣзда молодыхъ. Повстанцы объявили Х., что его тутъ же повѣсятъ, а пока не послѣдуетъ на то распоряженіе начальника банды, было приказано оставаться молодымъ въ каретѣ. Лошади были отпряжены, у кареты поставлена стража. Въ усадьбѣ царило смятеніе. Повстанцы требовали угощенія, изъ погреба носили вино. Окна въ домѣ были ярко освѣщены. Громко раздавалось пѣніе и говоръ кутящихъ. Стража, охранявшая молодыхъ, злобно поглядывала въ окно кареты: ее злило, что она не принимала участія въ веселье, происходившемъ въ домѣ. Ночь была тихая, теплая. Пирамидальные тополя, озаренные серебристымъ свѣтомъ луны, длинными тѣнями ложились вдоль дороги. Полный мира и тишины небосклонъ, усѣянный тысячами мерцающихъ звѣздъ, величаво красовался надъ ку-

полами деревьевъ усадьбы, гдѣ происходилъ полнѣйшій разгулъ.

Х. какъ будто замеръ, онъ молча держалъ похолодѣвшую отъ ужаса руку своей молодой красавицы-жены. Въ его душѣ царило неопредѣленное томительное настроеніе. Неужели все кончено? Неужели смерть, конецъ жизни, счастья, думалъ онъ . . . .

. . . . . .

Внезапный выстрѣлъ раздался невдалекѣ, пуля прошуршала въ листьяхъ деревьевъ. Послышался конскій топотъ, сперва неясно, потомъ все ближе и ближе. Начальникъ дивизіи, генералъ Меллеръ-Закомельскій, шелъ на полныхъ рысяхъ. Онъ уже давно преслѣдовалъ довудца съ его бандой, но до сихъ поръ повстанцы ускользали, не давались ему.

Началась пальба, стража, приставленная у кареты, разбѣжалась, огни погасли въ домѣ; слышна была отчаянная ружейная трескотня. Много было убито, много раненыхъ, остальные повстанцы бѣжали, въ томъ числѣ и довудца. Читатель можетъ быть спроситъ, что сталось съ молодыми Х. Они были спасены. „Les peuples heureux n'ont pas d'histoire".

Въ Варшавѣ много еще толковали о жандармскомъ офицерѣ, служившемъ въ Плоцкѣ. Человѣкъ онъ былъ тихій, порядочный, пользовался уваженіемъ. Женатъ былъ на полькѣ, обожалъ ее. Жили они, что говорится, душа въ душу. Но и жизнь человѣческая, какъ и самое прекрасное лѣто, не обходится безъ облачныхъ дней, а иногда случается, что въ ясную погоду внезапно налетитъ буря, все поломаетъ на своемъ пути и безвозвратно унесетъ счастье, казавшееся столь прочнымъ. Стала замѣчать жена, что ея мужъ задумчивъ, чѣмъ-то озабоченъ. На всѣ ея разспросы, онъ отвѣчалъ уклончиво. Жена не унималась и приставала „скажи, да скажи, что съ тобой"? Послѣ долгаго колебанія онъ признался, что получилъ предписаніе произвести обыскъ въ имѣніи ея сестры, замужемъ за польскимъ помѣщикомъ въ Плоцкой же губерніи, что онъ не рѣшается приступать къ исполненію этого дѣла и со дня на день его откладываетъ. Жена старалась его успокоить, а съ наступленіемъ ночи, не сказавъ мужу, отправила гонца съ письмомъ къ сестрѣ, предупреждая, что у нихъ будетъ обыскъ. Это извѣстіе ничуть не встревожило помѣщика. — Пускай придутъ, говорилъ онъ, антиправительственнаго у меня ничего нѣтъ, ни оружія, ни пороха, ни прокламацій, чего же мнѣ бояться. Своими разсужденіями онъ успокоилъ жену. Но къ вечеру того же дня у него закралась мысль, если даже ничего не найдутъ, то могутъ его арестовать, посадить въ тюрьму; возможно, что тамъ его забудутъ

и онъ згинетъ ни за что, ни про что. Воображеніе рисовало ему самыя мрачныя картины, и онъ рѣшилъ бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣй, пробраться черезъ границу въ Пруссію. Простившись наскоро съ женой, дѣтьми, захвативъ деньги, какъ только стемнѣло, никѣмъ незамѣченный, онъ черезъ садъ вышелъ изъ усадьбы. Мѣстность была ему знакома. Ночь была темная, безлунная; онъ шелъ лѣсомъ, по направленію къ Пруссіи. Погруженный въ свои думы, онъ не слыхалъ, что кто-то его догоняетъ, поспѣшныхъ шаговъ; его окликнули по-польски.—Кто ты такой, куда идешь? Два вооруженныхъ человѣка его схватили.—Кто тебя знаетъ, правду ли ты сказалъ, идемъ съ нами, говорили они, выслушавъ его. Онъ не могъ отдать себѣ отчета, сколько времени они шли по лѣсной чащѣ, пока его не привели къ начальнику банды повстанцевъ, скрывавшейся въ лѣсу. При слабомъ свѣтѣ фонаря довудца снова его допрашивалъ. Узнавъ, что въ имѣніи помѣщика долженъ прибыть для обыска жандармскій офицеръ, что самъ помѣщикъ пробирается къ Прусской границѣ, довудца велѣлъ его накормить и объявилъ, что вся банда также направляется къ границѣ, что у нихъ остановка въ лѣсу для отдыха, а съ разсвѣтомъ они отправятся въ дальнѣйшій путь и посовѣтовалъ помѣщику прилечь и также отдохнуть. При мерцавшемъ свѣтѣ догоравшихъ костровъ, помѣщикъ могъ разглядѣть, что всѣ повстанцы утомлены, лица измучены. Не прошло и четверти часа, всѣ вокругъ него крѣпко спали, лежа въ травѣ, подъ деревьями. Но сонъ не смыкалъ его глазъ, онъ думалъ о женѣ, о дѣтяхъ, упрекалъ себя, что ушелъ, оставилъ семью. Безпокойство охватило его все больше и больше и недолго думая осторожно, безшумно отправился онъ въ обратный путь. Солнце высоко стояло на небѣ, когда онъ издали увидѣлъ среди зелени сада рѣзко выдѣлявшуюся высокую черепичную крышу своего дома. Сердце радостно забилось, онъ радовался своему возвращенію. Все было тихо, спокойно въ усадьбѣ. На разспросы, пріѣзжалъ ли жандармскій офицеръ, былъ ли обыскъ, жена отвѣчала, что никого не было, вѣстей изъ города она не получала, шуринъ его не пріѣзжалъ. По всѣмъ вѣроятіямъ это было недоразумѣніе, пустая тревога, говорила она. Они успокоились, жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Такъ прошло два дня, когда пронесся слухъ, что недалеко отъ усадьбы, въ канавѣ, близъ дороги найдено тѣло убитаго военнаго. Тяжелое предчувствіе защемило сердце помѣщика. Онъ поспѣшилъ на мѣсто происшествія. Убитый былъ никто иной, какъ его шуринъ. Въ то время, когда помѣщика угощали въ лѣсу повстанцы, довудца отдалъ приказъ немедленно отправить людей по направленію къ усадьбѣ, ждать про-

ѣзда жандармскаго офицера и тутъ же съ нимъ покончить. Его приказаніе было въ точности исполнено. Впослѣдствіи выяснилось, что начальство не давало приказанія жандармскому офицеру дѣлать обыскъ у помѣщика. Кто прислалъ бумагу для выполненія этого дѣла, осталось тайной не разъясненной. Что передумалъ, перечувствовалъ, что душевно перестрадалъ помѣщикъ—одному Богу извѣстно...

———

Въ 1864 году моему отцу, какъ предсѣдателю крестьянской комиссіи, приходилось разъѣзжать по деревнямъ Царства Польскаго, по дѣлу преобразованія поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Отецъ ѣздилъ въ коляскѣ съ конвоемъ казаковъ, человѣкъ въ тридцать, такъ какъ въ лѣсахъ бродили еще остатки повстанскихъ бандъ. Дороги въ Польшѣ прекрасныя, лѣса не были еще вырублены, ѣхать было пріятно лѣсомъ въ жаркое лѣтнее время. Множество дичи порхало по деревьямъ. Заяцъ перебѣгалъ дорогу, иногда появлялась граціозная дикая коза и мгновенно исчезала снова въ густой чащѣ лѣса. Помѣщики встрѣчали отца предупредительно и любезно, за то ихъ жены держали себя надменно и гордо. Крестьяне вели себя весьма развязно при переговорахъ съ ними помѣщиковъ, спорили, не соглашаясь на предложенныя условія, и тотчасъ же послѣ переговоровъ съ подобострастіемъ цѣловали руки помѣщиковъ. Пріѣхавъ въ имѣніе къ помѣщику Х., отецъ былъ встрѣченъ весьма любезно. Его же красивая жена и еще болѣе красивая свояченица Изабелла держались гордо, изрѣдка бросая молніеносные взоры на пріѣзжихъ „кацаповъ“. Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, комиссаръ Баумгартенъ изъ военныхъ пришелъ въ комнату къ отцу и разсказывалъ, какъ много воспоминаній у него связано съ имѣніемъ Х. Въ 1863 г. Баумгартенъ былъ посланъ съ отрядомъ казаковъ за однимъ извѣстнымъ начальникомъ банды. Баумгартену дали знать, что довудца находится въ имѣніи Х.— Отрядъ казаковъ окружилъ усадьбу. Домъ оказался пустымъ, никого изъ хозяевъ не было, оставалась одна прислуга. Дѣло было вечеромъ, ставни были притворены. Осмотрѣвъ и перешаривъ весь домъ, Баумгартенъ уже отчаявался найти довудца, когда къ нему подошелъ одинъ изъ казаковъ и сказалъ, что довудца въ домѣ, въ такой-то комнатѣ и лежитъ подъ сложеннымн тюфяками.—Ваше благородіе, я посмотрѣлъ въ скважину одной ставни, откуда виденъ свѣтъ горѣвшей лампы, говорилъ казакъ. Въ комнатѣ навалено множество тюфяковъ, и подъ ними спрятался начальникъ банды. Вернулись въ домъ, разобрали тюфяки и подъ ними нашли довудцу,

лежавшаго близъ стѣны. Надо было удивляться, что онъ не задохся подъ тяжестью тюфяковъ. Высокій, стройный, красивый, довудца молча послѣдовалъ за Баумгартеномъ. Обыскавъ его, нашли въ его карманахъ крупную сумму денегъ, болѣе десяти тысячъ рублей. Баумгартенъ въ своемъ присутствіи приказалъ счесть деньги и возвратилъ ихъ довудцѣ. Посадили его на фургонъ, окруженный казаками, и пустились въ обратный путь въ Варшаву. На станціи желѣзной дороги ихъ встрѣтилъ помѣщикъ Х., его жена и свояченица. Жена Х. тотчасъ же подошла къ Баумгартену съ просьбою позволить ея сестрѣ Изабеллѣ наединѣ поговорить съ довудцею. — Позвольте, говорила она, моя сестра его невѣста, смилуйтесь, позвольте имъ проститься въ бесѣдкѣ.

Близъ станціи, въ маленькомъ садикѣ, была бесѣдка, вся заросшая дикимъ виноградомъ, окружавшимъ бесѣдку густой зеленой стѣной. Въ эту бесѣдку вошла красавица Изабелла, за ней довудца. Баумгартенъ имъ далъ десять минутъ времени на прощаніе. Вокругъ бесѣдки стояла стража изъ казаковъ. Послѣ прощанія довудца ввели въ вагонъ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Баумгартенъ тотчасъ же поѣхалъ къ барону Корфу, главному военному начальнику, съ рапортомъ, что онъ исполнилъ порученіе, привезъ довудца, что при немъ большая сумма денегъ. Баронъ Корфъ былъ очень доволенъ, что довудца взятъ, приказалъ отобрать у него деньги. Арестованнымъ повстанцамъ запрещалось имѣть при себѣ деньги. Однако денегъ не оказалось; довудца объявилъ, что у него никакихъ денегъ не было. Тутъ Баумгартенъ понялъ свою оплошность. Дозволивъ красавицѣ Изабеллѣ прощаться съ своимъ женихомъ въ бесѣдкѣ, онъ далъ ей возможность взять деньги. Тѣмъ болѣе было досадно, что слухи ходили, что Изабелла не была невѣстой довудца, а онъ „романсировалъ“ съ ея замужней сестрой.

По воскресеньямъ мы иногда ѣздили къ обѣднѣ въ бывшій королевскій замокъ, гдѣ жилъ намѣстникъ графъ Бергъ. Надо было пройти анфиладу красивыхъ залъ до церкви, гдѣ по лѣвую сторону алтаря, на разостланномъ коврѣ, стоялъ графъ Бергъ. Онъ былъ лютеранинъ, но посѣщалъ русскую церковь. Онъ стоялъ не шевелясь съ закрытыми глазами. Многіе увѣряли, что онъ спалъ во время церковной службы. Однако каждый разъ, что отворялись царскія врата, графъ опускался на одно колѣно, наклонялъ голову, приложивъ свое бѣлое кэпи ко лбу. По окончаніи обѣдни всѣ бывшіе въ церкви собирались въ сосѣднемъ залѣ, и намѣстникъ любезно разговаривалъ на французскомъ языкѣ съ присутствующими. По-русски онъ зналъ плохо, за то говорилъ и писалъ въ совершен-

ствѣ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Присутствуя какъ-то на маневрахъ и неосторожно ставъ слишкомъ близко отъ того мѣста, гдѣ должны были проходить войска во время атаки, графъ Бергъ былъ сброшенъ съ сѣдла лошадью наѣхавшаго на него на полномъ ходу нижняго чина. Графъ при паденіи ушибъ себѣ ногу, ему пришлось пролежать нѣкоторое время. Онъ писалъ Императору Александру II, не составляя предварительно черновика. Сожалѣю, что помню только начало письма, о которомъ тогда много толковали.—Sire, enveloppé d'un peloton de cavalerie ennemie, je fus jeté par terre...

Намѣстникъ весьма ловко лавировалъ въ своихъ отношеніяхъ, какъ съ русскими, такъ и съ поляками. У него былъ свой особый взглядъ на вещи; слушая однажды разговоръ, гдѣ приводили русскую пословицу „не плюй въ колодецъ, придется испить", графъ замѣтилъ: „и плюй и испей".

Намѣстникъ ѣздилъ по Варшавѣ окруженный конвоемъ линейныхъ казаковъ, что придавало большую торжественность его выѣздамъ, но графъ Коцебу, назначенный генералъ-губернаторомъ послѣ графа Берга, ѣздилъ безъ конвоя. Послѣ удаленія съ политическаго поприща Ник. Алекс. Милютина и отъѣзда князя Черкасскаго и его друзей и сотрудниковъ изъ Варшавы, руководство дѣлами сосредоточилось въ рукахъ намѣстника Берга.

Когда настала весна 1865 года, было рѣшено, что мы не поѣдемъ въ деревню, а проведемъ лѣто за границей, близъ Дрездена, въ Блазевицъ, гдѣ была взята для насъ дача. Предполагаемая поѣздка за границу насъ, дѣтей, очень занимала.

Въ то время между Блазевицъ и Дрезденомъ были поля, лѣсъ, теперь они не существуютъ. Блазевицъ—продолженіе города, пространство, занимаемое когда-то полями и лѣсомъ, застроено прелестными дачами. Мы занимали дачу, окруженную красивымъ тѣнистымъ садомъ. Все было просто, какъ-то наивно. На искосокъ отъ нашего дома, черезъ улицу, была булочная съ вывѣскою „Potz und Blitz, das ist ja der Bäcker von Blasewizt".

Въ праздничные дни, музыка играла въ Шиллерсъ-гартенѣ, не большомъ садикѣ, посѣщаемомъ въ былое время великимъ поэтомъ Шиллеромъ. Моста черезъ Эльбу тогда еще не было, мы на паромѣ переѣзжали въ Лошвицъ,—любимая наша прогулка. Заходили въ домикъ, гдѣ жилъ Шиллеръ, гдѣ онъ написалъ многія свои произведенія. Домикъ весьма скромный, маленькій, чистенькій. На столѣ лежала книга, гдѣ посѣтителей просили записать свои имена. Братъ Юрій тотчасъ же написалъ:

„На послѣднемъ семъ листочкѣ
Напишу четыре сточки,
Въ знакъ почтенія моего,
Вы не вырвите его“. . . . .

Потомъ Юрій, открывъ окно, крикнулъ проходящимъ нѣмцамъ „Ich bin der vertorbene Schiller“. Нѣмцы пришли, разумѣется, въ негодованіе, стали браниться, а мы поспѣшили удалиться, во избѣжаніе скандала.

Мы предпринимали прогулки пѣшкомъ въ Саксонскую Швейцарію, прогулки были превеселыя, однако весьма скоро братья и я стали скучать по деревнѣ. Не было того простора, къ которому мы привыкли, намъ было тѣсно въ саду, окруженномъ большою каменною стѣною, саду, считавшимся большимъ въ Блазевицъ и казавшемся маленькимъ сравнительно съ нашимъ деревенскимъ паркомъ. Мы жили во второмъ этажѣ дачи, а хозяинъ дачи Р. со своей семьей занималъ нижній этажъ. Въ жаркіе дни выносили тюфякъ господина Р. на лужайку; передъ домомъ клали тюфякъ подъ дерево, и нашъ хозяинъ отдыхалъ, лежа на тюфякѣ, предварительно снявъ сюртукъ и жилетъ. Огромный его животъ мѣрно колыхался, раздавалось шумное сопѣніе; преспокойно входили и выходили мухи въ раскрытый ротъ, ничуть не безпокоя сонъ господина Р. Картина не была изящна, Юрій каждый разъ, проходя мимо, говорилъ по его адресу нѣсколько внушительныхъ словъ. Несмотря на просьбы моей матери, чтобы господинъ Р. выбралъ себѣ не столь видное мѣсто для отдыха, его жена отвѣчала,—что ея мужъ привыкъ спать на лужайкѣ, и измѣнить она ничего не можетъ. Мы стремились выйти изъ-за ограды сада, на просторъ въ поле. А тутъ бывало услышишь пѣніе жаворонка, на душѣ станетъ невыразимо грустно. Пѣніе жаворонка воскрешало въ памяти деревню, луга, синіе весной отъ незабудокъ, необозримыя поля, столь оживленныя въ страдную пору. Вспомнишь прогулки въ лѣсъ, въ жаркій лѣтній день, даже чудится жужжаніе пчелъ и мошекъ въ лѣсной чащѣ. Вспомнишь старый дубъ въ лѣсу, подъ раскидистыми вѣтвями котораго пили чай, жарили на сковородѣ только-что собранные грибы... Мысли меня уносили въ нашъ деревенскій домъ; я мысленно спускаюсь изъ дѣтской, внизъ по лѣстницѣ, заглядываю въ дѣвичью, съ отвращеніемъ смотрю на обязательно стоящія на подоконникѣ банки съ піявками, съ замираніемъ сердца бѣгу по корридору, стараясь не глядѣть по направленію страшнаго темнаго чулана, и съ облегченнымъ сердцемъ вбѣгаю въ залу. Мои мысли подолгу останавливаются въ гостиной, переполненной воспоминаніями дѣтства. Обои изображали карнавалъ въ Римѣ. Меня крайне занималъ направо

отъ дверей въ залу паяцъ, изображенный съ длиннѣйшими рукавами, а на противоположной стѣнѣ—скачки. Сколько разъ мы, дѣти, спорили, которая изъ лошадей придетъ первая къ столбу! Тутъ же въ гостиной стоялъ большой круглый столъ. Въ длинные осенніе вечера мы сидѣли вокругъ стола. Наша гувернантка, бывшая у насъ въ домѣ болѣе сорока лѣтъ, милѣйшая Амалія Егоровна вязала чулокъ, матушка читала намъ вслухъ. Свѣтъ, падавшій изъ-подъ бѣлаго абажура лампы, освѣщалъ красивое лицо моей матери, наклоненное надъ журналомъ „Подснѣжникъ“ или „Semaine des enfants“. На дворѣ завывалъ вѣтеръ, шумѣлъ и гнулъ пушистыя вѣтви елокъ; капли дождя стучали по каменнымъ плитамъ террасы—въ гостиной было тепло, свѣтло, уютно, а въ дѣтской душѣ беззаботно счастливо.

Братъ Юрій понималъ, что происходило въ моей душѣ, онъ также скучалъ по деревнѣ, но, замѣтивъ, что я начинаю моргать, дабы скрыть слезы, туманившія мои глаза, при одномъ воспоминаніи о деревнѣ, Юрій строго замѣчалъ:

— Нечего нюни распускать; терпи, вернемся въ деревню. Вернемся—но когда? и настанетъ ли еще это время? И не лучше ли не возвращаться туда, гдѣ было прежде хорошо? гдѣ не найдешь прежняго? Прощайте, дорогія воспоминанія.

„Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно;
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминаніемъ объ томъ, что невозвратно“.
(„Горе отъ ума“ Грибоѣдова).

Наше пребываніе за границей ознаменовалось пріѣздомъ въ Дрезденъ дяди моей матери, Дмитрія Гавриловича Бибикова. Матушка рожденная Бибикова; ея мать, моя бабушка, Софія Гавриловна, была также Бибикова, сестра извѣстнаго Дмитрія Гавриловича, кіевскаго генералъ-губернатора, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ. Матушка повезла моихъ двухъ братьевъ, мою маленькую сестру и меня къ Дмитрію Гавриловичу.

Мы съ дѣтскимъ любопытствомъ на него глядѣли. Это былъ герой двѣнадцатаго года. Ему при Бородинѣ оторвало руку. Мы любили повторять разсказъ, слышанный нами о томъ, что когда у Дмитрія Гавриловича была оторвана рука, онъ воскликнулъ:—Il me reste encore un bras pour défendre ma patrie.

Мы не сводили глазъ съ пустого рукава его лѣвой руки. Дмитрій Гавриловичъ былъ красивый старикъ, съ живыми черными глазами. „De vrais yeux Bibicoff“, слышала я часто. Дмитрій Гавриловичъ жилъ тогда за границей на покоѣ. При вступленіи на престолъ Александра II, онъ оставилъ постъ министра внутреннихъ

дѣлъ, былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, долженъ былъ получать большую пенсію; отъ всего онъ отказался, также и отъ званія генералъ-адъютанта.

То былъ баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Бывши уже взрослой дѣвушкой, я въ первый разъ видѣла царя-освободителя Александра Второго, въ домѣ дочери Дмитрія Гавриловича, Софіи Дмитріевны, замужемъ за графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ. Мы жили тогда въ Петербургѣ; я поѣхала съ моимъ отцомъ на балъ къ Толстымъ. Графъ Дмитрій Андреевичъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Синода. Подъѣзжая къ Литейной, отецъ мой говоритъ:—мы недавно въ Петербургѣ, ты мало кого знаешь, по всѣмъ вѣроятіямъ ты не будешь танцовать мазурку, я буду тебя ждать въ красной гостиной, и мы не останемся ужинать.

— Я не буду танцовать мазурку,—звучитъ у меня въ ушахъ,—къ чему было ждать этого бала, готовиться къ нему, надѣвать красивое, блѣдно-розовое тюлевое платье?—Каждая молодая дѣвушка понимаетъ, какъ печально остаться безъ мазурки.

Гостиныя, уже полны гостей, ждутъ пріѣзда Государя Александра II-го и императора австрійскаго Франца-Іосифа. Изъ залы доносятся звуки вальса. Кто-то меня приглашаетъ, и мы направляемся въ бальный залъ.

— Пригласятъ ли меня на мазурку или нѣтъ?—мысль, которая меня не покидаетъ, пока мы кружимся по залѣ. Второй, третій подходитъ, а о мазуркѣ ни слова. Вотъ Катюша Рихтеръ въ бѣломъ платьѣ, съ жизнерадостнымъ выраженіемъ на лицѣ проходитъ подъ руку съ гусаромъ. Теперь ей не до меня, она по всѣмъ вѣроятіямъ уже приглашена на мазурку. Меня не интересуетъ видѣть—императора Франца-Іосифа, напоминавшаго командира армейскаго полка; характерную фигуру Андраши въ голубомъ, какъ бы линючемъ, гусарскомъ мундирѣ; двоюроднаго брата моего отца, блестящаго Валуева, тогдашняго министра государственныхъ имуществъ. Валуевъ мнѣ былъ симпатиченъ, несмотря на его напыщенный слогъ, но въ данную минуту его изысканно французскій языкъ, его обращеніе ко мнѣ „Mademoiselle de Mengden“,—казались мнѣ неумѣстными.

Я танцую уже четвертую кадриль, а кавалера для мазурки нѣтъ и нѣтъ. Я вспоминаю слова, сказанныя мнѣ одной знакомой, за нѣсколько дней до бала, что она раздѣляетъ дѣвицъ на три категоріи: тѣ, которыя всегда танцуютъ, тѣ, которыя не всегда приглашены, и наконецъ тѣ, которыя никогда не приглашены. Видимо я принадлежу къ третьей категоріи. Мимо меня проходитъ какъ въ

калейдоскопѣ княгиня Л.—toujours accrochée au bras d'un ministre. Ея побаивались; если кто ей нуженъ, у нея есть просьба, дѣло, она такъ пристанетъ, что непремѣнно исполнятъ ея желанія. Вотъ княжна Х.—она выѣзжаетъ уже нѣсколько лѣтъ, про нее говорятъ: „elle est ancienne, mais si un jeune homme lui fait la cour, cela le pose dans le monde".

Вотъ счастливая мать многочисленной семьи съ умиленіемъ, долго, упорно глядитъ въ лорнетъ:—одна изъ ея дочерей танцуетъ въ первыхъ парахъ съ важною особою. Другая маменька шопотомъ распекаетъ свою дочь, танцующую съ юнымъ офицеромъ и отказавшую въ мазуркѣ кому-то важному. Дочь только-что изъ дѣтской, она еще не постигла китайской грамоты своей матери: танцовать, говорить съ тѣмъ, кто поважнѣй. Она недоумѣвая глядитъ на негодующее лицо матери и уходитъ со своимъ кавалеромъ напоминающимъ воробья, впервые выпорхнувшаго изъ гнѣзда.

Шумъ, суета, разговоры, музыка. Но вся эта толпа, какъ въ оперѣ, изображала только народъ и воиновъ. У дверей залы стоитъ Императоръ Александръ II, и взоры всѣхъ на него обращены. Всѣ и все къ нему стремится. Я гляжу на Государя, думаю о красной гостиной, куда я должна явиться, вспоминаю разсказъ В.—„На одномъ балу Государь во время мазурки сталъ за ея стуломъ".

— Можетъ быть Государь ко мнѣ подойдетъ. Да, но В. красавица, а я—мнѣ страшно хочется посмотрѣться въ зеркало.—„Vous dansez la mazurka?" Это обращеніе ко мнѣ. Я спасена. Аташе одного иностраннаго посольства, бѣлокурый молодой человѣкъ съ припомаженными волосами, напоминавшій собой барана изъ масла, котораго подаютъ на свѣтлый праздникъ, приглашаетъ меня на желаемый танецъ. Я благодарю судьбу за отсутствіе моихъ братьевъ на балу; какъ бы они посмѣялись, что у меня такой кавалеръ. Какой бы онъ ни былъ—я танцую мазурку. Издали я вижу огорченное, но покорное своей судьбѣ лицо моего отца.

„A vos dames", прозвучалъ голосъ дирижера. Я никогда не брала уроковъ танцевъ и плохо танцовала. Въ общей мазуркѣ, когда одна пара идетъ за другой, не такъ замѣтно, кто дурно танцуетъ, но вотъ дирижеръ командуетъ тремъ парамъ „Les dames choisissent un cavalier, les messieurs une dame". Мой припомаженный кавалеръ уходитъ за поисками дамы. Я гляжу по сторонамъ и не вижу никого знакомаго. Рѣшаюсь подойти къ одному гусару, сидящему недалеко отъ меня. Я вижу, что онъ удивленно на меня смотритъ, но все же онъ встаетъ, расшаркивается, и мы идемъ танцовать. Тутъ происходитъ что-то для меня ужасное: гусаръ ждетъ, пока всѣ танцующія пары садятся по мѣстамъ, потомъ ловко выкидываетъ

ногами удивительныя па, я бѣгу за нимъ, ничего не понимая, но надъ моимъ ухомъ раздается знакомый голосъ моей тетки Е. И. Татищевой: „Чучела, когда не умѣютъ танцовать мазурку, не выбираютъ перваго танцора“. Она меня отстраняетъ, беретъ руку гусара, и я вижу мою красивую тетушку, въ палевомъ платьѣ плавно, гордо приподнявъ голову, скользящую по паркету, за гусаромъ, который, прищелкивая каблуками, откалываетъ такія па, о которыхъ я и понятія не имѣла. Тогда, тогда мнѣ казалось позорнымъ не умѣть танцовать мазурки и ужаснымъ, что я выбрала незнакомаго кавалера.

Какъ это давно было, и я ли это была...

Софія Менгденъ.